

Узнавший детектив

Г•А•Л•И•Н•А
— — — — —
КУЛИКОВА

Коллекция ночных кошмаров

Галина Михайловна Куликова
Коллекция ночных кошмаров
Серия «Изысканный детектив
от Галины Куликовой»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5549496
Коллекция ночных кошмаров : роман / Галина Куликова.: Эксмо;
Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63601-3

Аннотация

Скромный ученый-биолог Юрий Федоренков внезапно стал разговаривать во сне. Истории, которые он рассказывает, связаны с миром тайн, шаманов и древних кладов. Его невеста Яна Макарецва считает все это полной ерундой до тех пор, пока Федоренков внезапно не исчезает. Бросившись на его поиски, Яна с изумлением узнает, что у ее жениха, оказывается, была еще одна, параллельная жизнь. И тот, кто попытается вмешаться в нее, может поплатиться за это головой...

Галина Куликова

Коллекция

ночных кошмаров

©Куликова Г., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От серии выстрелов заложило уши. Казалось, в комнате сейчас разлетятся все стекла. Расширенными глазами Яна неотрывно смотрела перед собой. Ее правая рука судорожно шарила по покрывалу дивана.

– Пригнись! – гаркнул верзила в сером плаще, и дуло пистолета описало опасную дугу в воздухе. – Падай на пол!

Раздался выстрел... Пальцы Яны наконец наткнулись на телевизионный пульт. Она нащупала заветную кнопку и изо всех сил принялась жать на нее. Зеленая дорожка «звука», появившаяся на экране, начала быстро сокращаться.

Пистолет продолжал плевать пулями, но уже не так громко. В этот момент раздались глухие удары – и они-то уж точно доносились не из телевизора! Яна подпрыгнула на месте, сердце от неожиданности противно екнуло и заколотилось с удвоенной скоростью. Кто-то ломился во входную дверь: бум! Бум! Девушка вскочила с дивана и на цыпочках бросилась в коридор. Бум! Бум! Дверь продолжала содрогаться от ударов.

– Кто там? Кто? – пропищала Яна очень тонким и пронзительным от страха голосом. Именно таким голосом первоклашки на линейке выкрикивают заученные стихи.

– Конь в пальто, – донеслось с лестничной площадки. – Перестань валять дурака, Макарецва,пусти меня сейчас же, не то я все уроню!

Узнав голос лучшей подруги, которая жила в квартире напротив, Яна облегченно выдохнула и закатила глаза. Потом спохватилась и бросилась открывать.

– А позвонить никак нельзя было? – возмущенно воскликнула она, отпирая замки. – Есть такая кнопочка наверху, черненькая и красивая. Ты напугала меня до смерти, Машка!

– У меня руки заняты, – ответила Маша Брянцева, спиной вваливаясь в квартиру. В одной руке она держала огромный раздувшийся бумажный мешок, в другой – пятилитровую банку варенья, которую ей приходилось придерживать подбородком. – Услышала, что у тебя в квартире телевизор

орет, и решила, что уже можно наведаться с визитом.

– Ты когда прилетела? – спросила Яна, пятясь, потому что подруга надвигалась на нее, как груженная фура.

– Рано, аж в шесть утра. Пару часов подремала – и все, сна ни в одном глазу. Я уже аэробикой позанималась...

– Не представляю, как можно скакать по квартире после самолета.

Протиснувшись в кухню и водрузив банку на стол, Маша удовлетворенно сообщила:

– Это тебе протертая клюква, а это кедровые шишки, – и она сунула подруге в руки бумажный мешок. – Свеженькие! Можно сказать, у белок из лап вырывала.

– Вот спасибо тебе, – Яна сунула в нос пакет и понюхала шишки. – Вкусный запах, настоящий. Чаю хочешь?

– Ничего не хочу, только сплетничать. – Она показательно уютно устроилась на стуле и хлопнула ладонями по коленкам. – Ну, рассказывай!

– Чего рассказывать-то? – неохотно пробормотала Яна, опустившись на соседний стул и бегая глазами по сторонам.

– Как это – что?! Федоренков сделал тебе предложение?

– Не-а, – Яна взяла из вазочки печенье и засунула его в рот, старательно разжевывая. – Не сделал.

– Не может быть! – Маша вытаращила глаза.

Глаза у нее были огромные, карие, с макияжем «смоуки айз», который, как она считала, отпугивает неуверенных в себе мужчин. Неуверенных в себе мужчин Маша Брянце-

ва презирала. Сама она всегда быстро принимала решения, умела ляпнуть правду в глаза и была на диво работоспособной – в тяжелые времена могла засучить рукава и вытащить из беды целое царство, а не только собственную маленькую турфирму. В отличие от многих других женщин, она не стеснялась своих крупных форм, а потому одевалась со вкусом и откровенно радовала даже самый придиричивый взгляд.

– Ах, какой гад! – не смогла сдержать своего возмущения Маша. – Я была уверена, что уж в твой день рождения он точно встанет на одно колено и сунет тебе в нос коробочку с кольцом. Ну, или хотя бы просто подарит букет из ближайшего цветочного ларька и спросит, согласна ли ты стать его женой.

– Букет-то он подарил, – сообщила Яна, продолжая поедать печенье. Она всегда принималась что-нибудь жевать, когда нервничала. – И даже не из ларька, а из салона цветов. Офигительно красивый! Авторская работа. Но о свадьбе – ни гугу. С чего ты вообще взяла, что он собирался звать меня замуж?

– Да он сам мне выдал информацию – вот как раз на Новый год! Мне, говорит, дико надоело, что все соседки за глаза называют меня сожителем Яны Макарецвой. Противное какое-то слово, неуважительное. Надо, говорит, с этим что-то делать. Впрочем, я уже все решил. Вот дождусь Яночкиного дня рождения, и уж тогда...

– Ах, в Новый год, – скептически протянула Яна. – Он

же наверняка пьяный был. А когда он напивается, начинает распушать хвост, как тетерев на току.

– Дык... Что у трезвого на уме, у пьяного на языке, поговорка не врет. У него на уме был загс, точно тебе говорю.

– Знаешь, – Яна криво улыбнулась, – в глубине души я не очень-то и хочу, чтобы Юрка позвал меня замуж.

– Ну уж это ты, мать,хватила! – возмущенно всплеснула руками Маша. – «Не хочу замуж» – это еще куда ни шло. А вот «Не хочу, чтобы позвал»... Нереалистично. Все хотят, чтобы их позвали замуж, и можешь мне мозги не канифолить. Нет, но я была в нем совершенно уверена. Чего ему надо, интеллигенту проклятому? Очаровательная стройная блондинка двадцати семи лет, юрист, умница, глаза, как у дикой козы...

– Вот спасибо!

– У серны, – поправилась Маша. – Заботливая, не ревнивая...

– Я не верю, что он может мне изменить, – подперев щеку кулаком, заявила Яна и задумчиво посмотрела в окно. – Поэтому и не ревную.

Ветер раскачивал деревья, на стеклах лежала сетка дождя, машины поливали пешеходов грязью.

Маша насупилась и некоторое время разглядывала подругу.

– Ты вообще когда-нибудь кого-нибудь любила? – поинтересовалась она раздраженно. – Что-то я не припомню. Да-

же когда ты два дня ревела из-за Жорки Кабакова, я и тогда сомневалась, что твои слезы настоящие!

– Это было в пятом классе, – возмущенно напомнила Яна.

– Какая разница? Что изменилось с пятого класса? Только физиономии наши слегка задубели... Ушла невинная грация, а в остальном – все то же самое. Отвечай по существу! Ты любишь своего Федоренкова? Да или нет?

– Чуть-чуть, – быстро сказала Яна, опустив ресницы.

– Иди к черту! Чуть-чуть любят фаршированный перец или соседского кота. А мужика, с которым живешь вместе целый год, можно или любить до смерти, или не любить вообще!

– У тебя все как в мыльной опере, честное слово. «Отдайся мне, Кассандра, или я удушу тебя!» – пропела она басом и показала, как собирается душить. – Уймись. Смирись, наконец, с тем, что бывают спокойные, ровные отношения! Дружеские, чудесные... Это как огонь в камине. Он согревает дом. И разве плохо, что до пожара дело не доходит?

– Плохо, – тут же откликнулась Маша и разрубила ладонью воздух. – Маленький пожар в самом начале, безусловно, необходим. Потом уж пусть горит ровно, но хоть разок должно полыхнуть, иначе и затеваться не стоит. Знаешь, мне тебя даже жалко. Ни разу ни в кого не влюбиться! Это ж надо!.. На, полущи шишку! Может, это тебя утешит. Твой Федоренков меня обманул. Я в нем разочаровалась, честно тебе скажу...

– Да ладно уж, ничего особенного не случилось. Не представляю, что бы я сейчас чувствовала, если бы мне пришлось планировать свадьбу. Не хочу никаких потрясений. Меня вполне устраивает существующее положение. Лучше расскажи, как ты съездила в Сибирь? Сделала, что хотела?

– Сделала даже больше, чем рассчитывала, – подруга скорчила странную мину. – Так до сих пор и не решила, открывать новый маршрут или нет. Путешествие, прямо скажем, не из легких.

– А было что-нибудь запоминающееся? – с восторженным блеском в глазах спросила Яна. Вероятно, этот блеск должен был помочь подруге переключиться на другую тему.

– Запоминающееся? О да! Только я тебе потом расскажу. Мне к рассказу еще нужно морально подготовиться.

– А со своим родственником ты встретилась? – продолжала наседать Яна.

– Еще как встретилась. – Теперь уже Маша принялась за печенье, уставившись в окно.

– Он приятный? Лет ему сколько?

– Да фиг его знает! Я не спрашивала. Наверное, лет тридцать или чуть больше. Весьма специфический тип. Чертовски молчаливый. Углублен в себя. Эх, зря дядя подарил ему свою коллекцию марок!

– Когда это он подарил? Лет двадцать пять назад? Машка, я от тебя сдохну! То ты трещишь и булькаешь, как кипящая кастрюля, то вдруг становишься удивительно немногослов-

ной.

– Я все думаю о твоём Федоренкове. Знаешь, я бы не смогла так, как ты. Если бы мужик прожил со мной под одной крышей целый год, я бы его уже сто раз спросила про намерения.

– Как ты себе это представляешь? – рассердилась Яна. – Я что, должна сделать невинные глаза и поинтересоваться за ужином: «Милый, а мы поженимся?» И еще похлопать ресницами?

– Ну, примерно так, – согласилась подруга. – А если он начнет вилять, значит, ни за что не женится. Попробуй, проведи эксперимент. Подведи его к этой мысли.

– Да я со стыда сгорю!

– А ты ночью, в темноте, в постели спроси. Он не увидит твоего стыдливого румянца. Если начнет вилять...

– Ну и что тогда?

– Подселишь к себе кого-нибудь другого.

– Слушай, чего ты приехала из своего сибирского похода такая воинственная? – неожиданно взвилась Яна. – Мне с Федоренковым очень хорошо! Мы с ним ладим, у нас общие интересы, мы любим старое кино, оба обожаем картошку с грибами и вечерние прогулки!

– Ой, держите меня семеро, – фыркнула Маша. – Как тебе может быть с ним хорошо, если он в любой момент готов без предупреждения исчезнуть? На два дня, на три, на неделю...

– Ну, знаешь! У него работа такая! – Яна развела рука-

ми. – Приходится ездить, исследовать...

– Многие биологи сидят себе по кабинетам, а твоего занесло в какой-то институт волшебства и чародейства... Или как его там?

– Институт исследований биоресурсов и экосистем России, – с важным видом заявила Яна.

– Звучит чертовски величественно. Там хотя бы можно сделать нормальную карьеру?

– Конечно, можно. У Юрки уже и сейчас неплохая должность. Заметь, начинал он лаборантом еще во времена студенчества. Кстати, с ним тогда случилась потешная история.

– Ну-ну.

– Зимой в лаборатории неожиданно отключили отопление, и все имеющиеся в наличии жабы заснули. Их ссыпали в ведро и велели Юрке отвезти ценный груз в филиал института. Юрка сел в трамвай и поехал. Народу в вагон набилась целая куча. Через полчаса жабы отогрелись и давай квакать! Такой концерт закатили, народ со смеху подышал. Юрка говорит, что со стыда не знал, куда деваться! Делал вид, что это не его ведро. Когда выходить надо было, в последнюю минуту схватил его за ручку да как сиганет в сугроб!

– Это ты к чему мне сейчас рассказываешь? – с подозрением спросила Маша. – Хочешь, чтобы юмор примирил меня с господином Федоренковым? Этот тип собирался сделать тебе предложение, заявил об этом, а потом вдруг шмыгнул в кусты!

– Ты меня накручиваешь, – Яна наставила на подругу указательный палец. – Восстанавливаешь против него.

– Да ничего подобного!

– Он сегодня придет с работы, а я буду как взведенный курок.

– Это ты-то? – насмешливо переспросила Маша. – Чтобы заставить тебя рассвирепеть, нужны десять ловких тореро и десять красных тряпок. Я уверена, что твоему Федоренкову ничто не грозит. Вечером ты снова будешь гладить его по голове и шептать милые пустяки. Кстати, когда я заходила в последний раз, мне показалось, он начал лысеть?

– Машка, знаешь что? Большое спасибо за шишки, но не пора ли тебе домой? Лучше бы ты подремала подольше и нормально позавтракала, вместо того чтобы в восемь утра скакать через обруч и отжиматься от банкетки. Когда ты выспишься и перестанешь быть такой занудой, сможем поболтать подольше.

– Приходи ко мне завтра вечером, – мгновенно воодушевилась подруга, ни чуточки не обидевшись. – Нет, лучше послезавтра. Завтра у меня тяжелый день. А еще лучше – в пятницу! Можно будет напиться, не думая о последствиях.

– В пятницу мне к зубному.

– Ну ладно, тогда в четверг. Можем мы хоть раз в жизни напиться среди недели? Только давай договоримся твердо – в четверг вечером! Отметим твой прошедший день рождения.

– Да уж, день рождения ты пошло пропустила. А ведь обещала вернуться вовремя, – укорила ее Яна.

– Форс-мажор, дорогуша! Сибирь – это тебе не японский сад с прудиком. Это бурные реки, мощные леса, суровые лесорубы...

– Ты мне обязательно обо всем расскажешь подробно. Особенно про лесорубов. Думаю, что, упорно пытаюсь выдать меня замуж, ты просто воплощаешь собственную мечту о счастье.

– Возможно, ты права, – согласилась Маша, поднимаясь со стула. – Обсудим это непременно. И надеюсь, ты не поругаешься со своим Федоренковым. Иначе я буду чувствовать себя ловкой и злобной интриганкой. Я уже чувствую себя таковой! – проворчала она, преодолевая коридор и распахивая входную дверь. Дошла до середины лестничной площадки, обернулась и, ухмыльнувшись, добавила: – И это прекрасное чувство!

* * *

«Зачем мне выходить за него замуж? – размышляла Яна, наблюдая за тем, как Федоренков уплетает картошку с котлетами и листья салата. – Что в наших отношениях изменится? Да ничего. Конечно, если ему самому вдруг приспичит жениться, я соглашусь. Почему бы и не согласиться? У меня еще ни с кем не было таких стабильных отношений. И вооб-

ще долгих отношений – все какие-то глупые романчики. Но если не предложит, я не обижусь. Ни капельки. Я же не обиделась, что он не заговорил о свадьбе на дне рождения, хотя Машка меня к этому готовила?» Она действительно не обиделась. И сейчас испытала неожиданное облегчение. Ей не хотелось замуж! Это какая-то устаревшая, глупая формальность.

– Яна, ты за телефон заплатила? – спросил Федоренков с набитым ртом.

– Заплатила, – успокоила она. – Дождуй сначала, а то подавишься. И ты опять положил в чай восемь кусочков сахара! Обещал же следить за своим здоровьем. Биолог, называется! Специалист!

– Я разделяю дом и работу, – ухмыльнулся Юра. – На работе я завариваю себе исключительно сушеный подорожник. А здесь мне хочется расслабиться.

– Да уж, когда тебе расслабляться-то? Уже скоро спать пора. Ни кино с тобой посмотреть, ни книжку обсудить. Ты опять задержался в своем институте.

– Еще скажи – дурачком институте! – Он подмигнул и улыбнулся Яне во весь рот.

Федоренковское обаяние, как обычно, било через край. Юра редко бывал чем-то недоволен, во всем находил положительные стороны и умел вовремя разрядить обстановку. Среднего роста, белобрысый, подтянутый, с хорошим чувством юмора, он с первого дня знакомства казался Яне иде-

альным партнером.

– Скоро я начну ревновать тебя к работе, – продолжала ворчать она, убирая посуду со стола.

Федоренков потянулся и сладко зевнул.

– Спать хочу, как зверь, – сообщил он.

– Самое оно после жареной картошки. Не успеешь оглянуться, у тебя вырастет живот размером с рюкзак.

– Давай купим собаку, – предложил Федоренков. – Сейчас она бы подошла, поставила лапы мне на колени и сказала: «Меня надо выгулять, дорогой хозяин! Надевай штаны и ботинки!»

– А выйти погулять без собаки слабо? – спросила Яна, мгновенно вспомнив, как она сегодня хвалилась, будто они с Юркой оба любят вечерние прогулки.

– Ты не умеешь умоляюще смотреть в глаза, – покачал головой тот и снова зевнул. – Слушай, я сейчас просто свалюсь на пол, свернусь клубочком и вырублюсь. Если не хочешь тащить меня за ноги через всю квартиру, скорее пойдем в кровать.

– Ладно уж, отправляйся чистить зубы, я постелю. Хотя лично я спать не хочу совершенно.

– Можешь почитать, – разрешил добрый Федоренков и скрылся в ванной. Пробыл он там недолго – вероятно, быстро покрутил щеткой во рту и решил, что с него хватит.

Завидев маняще разобранную постель, он в мгновение ока разделся до трусов и нырнул под одеяло.

– Боже мой, какое блаженство! Яночка, поцелуй меня, я без твоих чмоков-чмоков не засну.

– Заснешь, куда ты денешься, – проворчала та. Но все-таки наклонилась и выполнила его просьбу.

От Федоренкова пахло мятой, и губы у него были влажными и сладкими. Острое чувство нежности охватило Яну. У нее от этой нежности даже в горле защекотало. «Еще не хватало сентиментально прослезиться! – возмутилась она про себя. – Эдак я скоро действительно начну мечтать о белом веночке с прикрученной к нему фатой».

– Свет мне мешать не будет, – пробормотал Федоренков, заслонив глаза согнутой рукой. – Читай, сколько захочется.

– Ладно-ладно, спи, – сказала Яна.

Очарование момента ушло. Более того, она вспомнила, что точно такое же чувство испытывала к своему коту Портосу, когда тот валился на спину и раскидывал лапы. Портос уже пять лет как переселился в мир иной, а Яна все еще вспоминала о нем чуть ли не каждый день.

Вздохнув, она прислонила подушку к спинке кровати и устроилась так, чтобы читать полулежа.

– Летучая крыса, – внезапно сказал Федоренков.

– Чего-чего? – Яна, которая уже открыла книжку, снова ее захлопнула, заложив пальцем нужную страницу.

– Рене Буазон положил орудие убийства в холщовый мешок и привязал к лапкам летучей крысы. Так он избежал наказания. Суд не смог доказать его вину. Крыса полетела на

ферму к его брату, она знала дорогу. Брат отвязал мешок и спрятал его. А потом уже Буазон избавился от пистолета.

Яна подняла брови и в немом изумлении уставилась на Федоренкова.

– Ничего не поняла, – сказала она наконец. – Какая крыса? Какой холщовый мешок? Ты вообще с кем разговариваешь?

– Очередное нераскрытое убийство, – довольно внятно ответил тот из-под руки, которой он по-прежнему закрывал глаза. – Четырнадцатый этаж, наличие мотива и отсутствие орудия убийства. Полиция проверила все водостоки и мусорные баки вокруг многоэтажки, облазила все карнизы...

– Я не понимаю, к чему ты сейчас все это мне рассказываешь? – продолжала удивляться Яна. – Ни с того ни с сего вдруг заговорил про какое-то убийство.

– Никто не подумал про летающую крысу, – все тем же ровным голосом продолжал Федоренков. – Скорее следствие поверило бы в телепортацию. Давно уже никто не использовал живое существо, чтобы ускользнуть от правосудия.

– Слушай, ну перестань! – Яна дернула Федоренкова за ухо.

Тот неожиданно всхрипнул и, застонав, перевернулся на бок. Сладко зачмокал губами и тихонько захрапел.

– Только не говори мне, что это ты во сне разговаривал! – возмущенно сказала Яна.

Ответом ей было все то же мерное, успокоительное похрапывание.

– Класс! – восхитилась Яна, покачав головой. – Говорила же, не наедайся на ночь. Прямо анекдот какой-то, чес-слово.

Через некоторое время она отложила книжку и, поправив подушку, потянулась к ночнику. Ей казалось, что заснуть долго не удастся, но стоило закрыть глаза, как она провалилась в сон.

Утром ее разбудило солнце, путешествующее по комнате. По подушкам разливались лужи света, ресницы казались пудовыми и не желали приподниматься ни на миллиметр.

– Ты вчера разговаривал во сне, – пробормотала Яна, нащарив рукой грудь Федоренкова и ободряюще похлопав по ней. – Нес какую-то фигню про убийство и холщовый мешок.

– Да ладно! – не поверил тот и сладко потянулся. – Я никогда во сне не разговариваю.

– Раньше не разговаривал, – Яна тоже потянулась, выгнувшись, словно кошка. – Я даже сначала не поняла, что ты спишь. Вещал, как диктор Центрального телевидения.

– Не выдумывай, Янка! – отмахнулся от нее Федоренков и резко сел, свесив ноги с кровати. – Я тебе не верю. Чтобы я разговаривал во сне?! Быть того не может. Я же не лунатик какой-нибудь... Господи, уже девять часов! Ты меня проспала!!

– Это я тебя проспала?! – возмутилась Яна. – Разве ты просил тебя разбудить?

Она тоже встала и пошлепала на кухню варить кофе. Федоренков полетел в душ и вскоре выскочил, на ходу закуты-

ваясь в халат.

– Ах, как вкусно пахнет!

– Может, ты увлекся детективами? – Яна упорно не хотела оставлять начатую тему. – Что ты сейчас читаешь?

Она стояла посреди кухни босая, полусонная, растрепанная, с ярко-розовыми щеками и требовательно смотрела на Юрия.

– «Мемуары к истории одного рода пресноводных полипов с руками в виде рогов».

Яна рассмеялась.

– Это ты шутишь или серьезно?

– Никаких шуток! Написал Абраам Трамблэ в одна тысяча семьсот сорок четвертом году. Классическая работа по экспериментальной биологии. На детективы у меня совсем нет времени.

– Ну, мало ли... Когда ты едешь исследовать всякие свои экосистемы, а проще говоря, лазить по болотам...

– Так вот какого ты мнения о моей тяжелейшей работе! – ухмыльнулся Федоренков, намазывая горячую булочку джемом.

– ...Возможно, в дороге ты читаешь про Ниро Вульфа, Арчи Гудвина, Перри Мэйсона.

– Господи, кто все эти люди? – Его брови изумленно поползли вверх и почти скрылись под влажной челкой.

– Что-то я перестала понимать, когда ты паясничаешь, а когда говоришь серьезно. Ты не переутомился на своей ра-

боте?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ну... Не знаю. Если человек разговаривает во сне, мне кажется, он перенапряжен.

– Я уже почти месяц торчу в Москве и честно езжу в офис в одно и то же время. И я расслаблен, словно йог после медитации. И вообще – ты все выдумала с моими разговорами во сне.

– Кто такой Рене Буазон? – с любопытством спросила Яна.

– Понятия не имею, – Федоренков скорчил изумленную мину и облизал сладкие пальцы. – Или я непременно должен знать? Наверное, это еще один частный сыщик из детектива?

– Нет, это парень из твоего ночного кошмара.

– Ты за мной даже имена записывала?! – Федоренков дурашливо ахнул и завел глаза к потолку. – Ну что ты будешь делать с этими женщинами? Им так хочется узнать, что на душе у мужика, что они прислушиваются даже к твоему бессознательному бормотанию.

– Ты вовсе не бормотал, а отчетливо проговаривал каждое слово. И вообще! Не думаю, что это повод для шуточек.

– А если мне вдруг приснится другая женщина и я назову ее по имени? – Федоренков сделал большие глаза и отхлебнул глоток кофе. – Ты обвинишь меня в измене? Судя по твоему воинственному виду, ты на это способна.

– А ты мне изменяешь? – Яна встала прямо перед ним и подбоченилась.

– Ни боже мой! – Федоренков приложил руку к груди. – Ладно, все, мне надо бежать. А то еще одна булочка, и придется перешивать пуговицу на брюках. Спасибо за завтрак! И кстати, пока ты не представишь мне вещественные доказательства, я не поверю в то, что разговариваю во сне! Так-то вот.

Он встал, громко чмокнул Яну в щеку и вихрем понесся по квартире, на ходу скинув халат и швырнув его на диван.

– Штаны не забудь надеть! – засмеялась та. И себе под нос пробормотала: – Ну ладно, еще поглядим. Хочешь вещественные доказательства? Вот я тебя на диктофон запишу.

У нее был отличный новенький диктофон. Яна работала в частной юридической консультации, и диктофон ей был просто необходим. С некоторыми клиентами приходилось держать ухо востро. Многие хамили, грубили и качали права. Некоторые несли полную околесицу, а когда их отшивали, пытались жаловаться начальству. Если начало разговора с клиентом ей не нравилось, Яна для подстраховки включала диктофон.

В этот же день, возвратившись домой с работы, она первым делом положила его на тумбочку возле кровати. Потом приготовила ужин и включила компьютер. Вошла в поисковую систему, немного помедлила, затем хмыкнула и набрала в командной строке: «Рене Буазон».

И с удивлением увидела, как посыпались вниз строки: «Рене Буазон, Рене Буазон»... Это имя сразу же появилось

в результатах поиска. Разные ресурсы предлагали ей ознакомиться с одним и тем же источником – каким-то неясного происхождения документом, переведенным с французского. Кажется, это был доклад на межведомственной конференции, где в том числе речь шла о нераскрытых преступлениях. Яна внимательно прочитала описание убийства и замечание о том, что вина единственного подозреваемого Рене Буазона была не доказана. Орудие убийства не нашли.

Яна задумчиво почесала бровь, потом ввела в строку поиска еще один запрос: «летающая крыса». Каково же было ее изумление, когда и этот запрос принес результаты! Через две минуты она уже знала, что летающими крысами во Франции, да и во многих других странах называют обыкновенных голубей.

– Они гадят и разносят заразу, – прочитала она вслух. И тут же возмущенно воскликнула: – Тоже мне, эксклюзив!

У Тамары Павловны, проживавшей этажом ниже, имелось целых пять пуделей – истеричных и удивительно кусачих. Когда эта собаколюбивая дама выходила на улицу, вся обмотанная поводками, и пудели дружно начинали справлять нужду на газоне, соседи возмущались именно тем, что кудлатая пятерка гадит и разносит заразу.

Яна снова вернулась к Рене Буазону, но ничего толкового больше не обнаружила. И только в самом конце списка внезапно наткнулась на знакомую фамилию в другом контексте. Теперь речь шла о Жюльене Буазоне, который давал интер-

вью популярному журналу. Жюльен оказался специалистом по разведению голубей. У него имелась собственная ферма, и хотя про родство с Рене не было ни слова, Яна ни на секунду не усомнилась в том, что эти двое – братья. Один брат подозревался в убийстве, но был освобожден, поскольку не нашли орудие преступления, а второй брат жил на ферме и разводил голубей.

Интересно, где Федоренков прочитал о почтовом голубе, который скрылся с места преступления, унося с собой орудие убийства? И почему во сне ему привиделась конкретно эта история? Если бы он накануне читал о ней на каком-нибудь сайте или в журнале, все было бы понятно. Но Юрка не признается в том, что фамилия «Буазон» ему знакома! Да уж, каждый человек полон тайн. «Если бы я вдруг заговорила во сне, – подумала Яна, – то что выскочило бы из моего подсознания? Даже думать не хочется. Наверняка какая-нибудь фигня, не заслуживающая внимания. Надеюсь только, не эротические фантазии».

Тут же она с сожалением констатировала, что Федоренков просто не способен пробудить ее фантазии – ни эротические, ни любые другие. Он был ужасно милым и ужасно обыкновенным. Прелесть их отношений как раз и заключалась в его простоте и предсказуемости. Яне казалось, что это и есть залог счастливого совместного существования. Только иногда странная тоска охватывала ее – хотелось какого-нибудь сумасшествия, чего-то внезапного, яркого, сильного... Сего-

дня как раз выдался такой вечер – вечер смутных желаний. На душе было беспокойно, и она никак не могла выбросить из головы слова подружки Машки: «Ты вообще когда-нибудь кого-нибудь любила? Что-то я не припомню».

На самом деле это была самая страшная тайна Яны Макарцевой. Тайна, которую она оберегала, как Кощей свою смерть. Никогда, ни разу в жизни она ни в кого не влюблялась. Ни единого маленького разочка! Нет, Яна отчетливо понимала, что такое влюбиться, она могла влезть в шкуру героини какой-нибудь драмы, на минуточку почувствовать себя Татьяной Лариной или Мэгги Клири, но... Но все эти яркие, доводящие до бурных слез переживания всегда касались кого-то другого. Других женщин, сходявших с ума от любви к незнакомым мужчинам. Вытерев слезы платочком и с чувством высморкавшись, Яна возвращалась в свою мирную, уютную жизнь, в глубине души сожалея, что с ней ничего подобного никогда не происходило. И, наверное, уже не произойдет. Двадцать семь лет – солидный возраст. Иные успевают выйти замуж и родить детей... Возможно, ей просто не дано испытывать любовь. Симпатию, влечение, удовольствие – да. Но не любовь.

Ей трудно было представить мужчину, из-за которого она могла бы прыгнуть с моста в реку или броситься под поезд, пожертвовать собой, обречь себя на нищету или гибель... Подобное казалось ей просто немыслимым.

Яна посмотрела на часы. До возвращения Федоренкова с

работы оставалось минут сорок. Не в силах совладать с накатившими на нее эмоциями, она решила пойти к Машке и выложить все как есть. Пусть оправдывает высокое звание лучшей подруги и попытается ее успокоить. Уговорить, что все будет хорошо, что вполне можно прожить и без любви.

Недолго думая, она натянула спортивную кофту и вышла на лестничную площадку. Дверь Машкиной квартиры была приоткрыта, внутри кто-то копошился.

– Маш! – с опаской позвала Яна. – Это ты? Эй!

В ту же секунду встрепанная Машкина голова появилась в проеме двери.

– Что – эй? – спросила она раздраженно. – Чего кричишь? Можно подумать, мы в тундре.

– Мне надо с тобой поговорить, – заявила Яна.

– Я же предупреждала, что сегодня вечером буду занята.

– Как только мне надо поговорить про сердечные дела, ты всегда занята!

С Маши мгновенно слетело раздражение.

– Сердечные дела? – спросила она с интересом. – Это меняет дело. Сердечные дела все равно что спички: с ними не побалуешь. Заходи!

Она пропустила подругу в коридор, который являл собой довольно странное зрелище. Коврик валялся в углу, тумбочка была перевернута, вешалка болталась на одном шурупе.

– Господи, что у тебя случилось? – Яна остановилась как вкопанная.

– Мне нужно кое-что спрятать под крыльцом, – с серьезным видом заявила Маша. – Или под порогом дома. Я размышляла, как это можно сделать в городской квартире.

Она подбоченилась и сосредоточенно оглядела собственноручно устроенный беспорядок.

– А что тебе нужно спрятать? – опешила Яна.

– Кое-что. Неважно! И вообще: я не должна это обсуждать.

– Может, я действительно зайду в другой раз? – с тревогой посмотрела на нее Яна.

– Нет уж, проходи. Все равно ты меня уже с толку сбила. Иди в комнату, я сейчас.

Она захлопнула входную дверь и скрылась на кухне. Яна сделала пару шагов и увидела на полу серебряную монетку.

– Деньги валяются, – проворчала она, наклоняясь. Не успела поднять одну монетку, как увидела вторую. А потом и третью. Мелочь была раскидана по всему полу. Согнувшись в три погибели, Яна принялась собирать ее и в конце концов добралась до дивана с горстью монеток в кулаке. Высыпала их на журнальный столик, с удивлением разглядывая лежавшие на нем вещи. Тут был пакет риса, кусок зеленого шелка, иголка с ниткой, золотая тесьма, здоровенная восковая свеча и старая потрепанная книжка с несколькими закладками.

– Это чем ты тут увлеклась? – поинтересовалась Яна, как только подруга появилась на пороге. – Гадаешь, что ли? Пытаешься узнать, кто твой суженый-ряженный?

– Больно надо всякими глупостями заниматься, – повела плечом Маша и плюхнулась в кресло.

– И это говорит мне человек, который целый год носил на шее берестяной коробок с сушеным горохом!

– Горох должен был привлечь ко мне любовь.

– И как? Привлек? – Яна не могла скрыть скепсис в голосе.

– Привлек, – кивнула Маша. – Просто это оказалось такое, что мне не очень подошло.

– Ну, если оно было среднего рода, то тогда понятно, почему не подошло, – согласилась Яна. – Зачем ты деньги по полу раскидала?

– Второпях. На самом-то деле их надо было высыпать в рис, этот момент я упустила.

– Почему в рис? – заинтересовалась Яна.

– Рис с деньгами приводит в дом достаток. Надо рассыпать смесь зерна с деньгами по полу, потом все собрать, сложить в зеленый шелковый мешочек, завязать мешочек золотой нитью на три узла и произнести заклинание: «Как много риса плодородного, так пусть у меня будет много клиентов и денег». Потом мешок надо спрятать где-нибудь в доме.

– А в коридоре ты искала подходящее место? – сообразила Яна.

– Не для мешка. Понимаешь, я еще утром совершила обряд защитной магии. Наговорила заклинаний на красную шерстяную нить. Теперь ее требуется спрятать под порог. Прямо не знаю, как это сделать. Разве что вызвать плотника?

Пусть отдерет какие-нибудь доски...

– Если ты скажешь плотнику, что тебе необходимо спрятать нитку, он от смеха лопнет. И что это тебя разобрало ни с того ни с сего приманивать достаток?

– Ни с того ни с сего! – возмутилась Маша. – Клиентов совсем нет, я едва-едва выплачиваю аренду. Думаешь, меня просто так в Сибирь понесло? Я ненавижу сплавляться по рекам, боюсь пароходов и всего, что плавает в воде. Кроме того, в тамошних лесах полно поваленных деревьев, а на них живут энцефалитные клещи. Но я пошла на нечеловеческий риск ради нового маршрута! Сегодняшний турист зажрался, ему подавай все больше экзотики, все больше экстрима. Гавайи для него – вчерашний день, непроходимые леса на Филиппинах все равно что парк Сокольники. Вот и приходится рисковать собственной шкурой. Я сейчас ничем не могу брезговать. Если люди говорят, что существует бизнес-магия, я должна ею воспользоваться!

– Надеюсь, ты никому не платила за шелковый мешочек? – с опаской спросила Яна.

– Нет, это целиком моя личная инициатива. Книжку купила в букинистическом магазине, там есть пошаговые инструкции.

Маша достала из кармана кофты заколку и соорудила на голове что-то вроде гнезда. У нее были роскошные каштановые кудри, и эту красоту она всегда принимала как должное.

– Ну, слава богу! А то я было подумала, что ты позвонила

по одному из этих шарлатанских объявлений...

– Да что мы все обо мне да обо мне, – Маша махнула рукой, словно отгоняя собственных демонов. – Тебя привели ко мне сердечные дела, так что приступай. Давай рассказывай, что тебя мучает.

Яна поерзала на своем месте и расправила несуществующие складки на брюках.

– Видишь ли, я долго думала о том, что ты мне говорила... По поводу пожара...

– Я рассказала тебе про пожар?! – Маша ошалело уставилась на подругу. – Или это он тебе рассказал?

– Про какой пожар? – не поняла та. – И кто это – он?

Маша Брянцева странным взглядом посмотрела на подругу, вытянула губы трубочкой, покрутила носом, потом сделала нормальное лицо и быстро сказала:

– Не обращай внимания, это я так... Сбилась с мысли. Продолжай! – Она даже подалась вперед, показывая, как внимательно слушает.

– Когда я сказала про пожар, я имела в виду сильные чувства. – Яна сплела пальцы и сжала их изо всех сил. Несмотря на то что они пережили с Машкой сотни приключений и побывали в нешуточных переделках, ей все равно было не по себе. – Понимаешь, мне кажется, что я действительно никогда не испытывала ничего... умопомрачительного. Я с детства наблюдаю за тем, как люди сходят с ума и совершают все эти поступки... Когда они влюбляются, то могут неделя-

ми не спать, не есть и не пить... Они бродят с телефоном в руках, ожидая звонка, громко поют, не стесняясь соседей, пропускают важные встречи, заваливают работу...

– Ну да, – согласилась Маша. – Такое бывает. Тебе это кажется странным?

– Да! То есть нет. То есть я хочу сказать, что отлично помню, как под Новый год ты влюбилась в какого-то придурка, прости господи, и сделалась буйнопомешанной. С тобой рядом было стыдно находиться.

– Врешь ты все, – проворчала Маша недовольно. – Со мной не может быть стыдно, потому что я очень эффектная.

– Ты помнишь, как ты безо всякой причины хохотала в метро, как будто тебя черти щекочут, и, глядя на тебя, начал хохотать весь вагон?

– У меня было хорошее настроение.

– А потом ты в ресторане вскочила с места, схватила официанта за шею, как десантник врага, и смачно поцеловала?

– Мне показалось, он был рад.

– Ну, это тебе действительно показалось. И еще ты прямо пальцами вытаскивала из кипящего компота груши и закидывала в рот. И ни разу не обожглась.

– Я люблю вареные груши, это запрещается? И вообще... К чему ты клонишь?

– Ты прекрасно понимаешь, к чему я клоню, – рявкнула Яна. – Я клоню к тому, что ни разу не испытывала ничего подобного. Я даже вообразить себе не могу, что должно про-

исходить с человеком, чтобы он со счастливой рожей полез в кипяток!

– И ты поняла, что до сих пор ни в кого не влюблялась, именно в тот момент, когда мы обсуждали твоего Федоренкова? – уточнила Маша.

– Вот-вот. – И так как Маша задумчиво уставилась в стену, требовательно спросила: – Ну? И что ты думаешь по этому поводу? Только честно!

– Честно? Я думаю, что твое время еще не пришло.

– У всех пришло, а у меня не пришло?! – спросила Яна обиженным фальцетом. – Мне двадцать семь лет!

– Ну, не семьдесят семь, шансы еще есть, – парировала Маша. – Понимаешь, тут трудно дать какой-нибудь совет... Я же не могу заставить тебя влюбиться. Но то, что Федоренков тебе не подходит, это факт.

– У нас хороший секс, – на всякий случай сообщила Яна.

– Хороший секс – это всего лишь показатель физического здоровья. А мы сейчас говорим о тонких материях. М-да, трудная задачка.

– Полагаешь, я какая-нибудь ущербная? – Яна посмотрела на подругу тоскливыми глазами.

– Ты слишком рассудочная, – вынесла приговор та. – У тебя все продумано до мелочей! Все оценено, разложено по полочкам, и не дай бог кому-то или чему-то вмешаться в твои планы, ты этого не потерпишь. Ты отмечаешь все, что тебе непонятно. Не лезешь на рожон, не ввязываешься в исто-

рии, не рискуешь, ничего не делаешь просто так, ради удовольствия... А любовь – это чрезвычайное происшествие! Это полная потеря контроля над собой и над ситуацией. А ты просто не позволяешь случаю войти в твою жизнь.

Яна обиженно засопела.

– Хочешь, чтобы я притворилась дурочкой и начала ввязываться во всякие неприятности?

– Ты утрируешь, – покачала головой Маша. – На самом деле ты прекрасно поняла, о чем я говорю. Если тебе хочется чего-нибудь попробовать – возьми и просто попробуй.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

Маша положила ногу на ногу и откинулась на спинку кресла.

– Представь себе фуршет, накрытый стол, на котором стоят бокалы с вином. Все гости подходят и берут себе по бокалу. А ты стоишь ближе всех, вся такая стройная, в шикарном платье, и рассуждаешь о том, какова вероятность того, что вино кислое. И будет ли у тебя наутро болеть голова или не будет. Вспоминаешь, пила ли ты такое вино раньше или что-то читала об этом сорте винограда. Просишь показать тебе бутылку, чтобы прочитать этикетку. Короче говоря, пока все пьют, танцуют и веселятся, ты занимаешься всякой фигней. Поэтому и спать тебе приходится с Федоренковым, – сделала неожиданный вывод Маша.

– Да Федоренков-то как раз ни в чем не виноват, – сглотив застрявший в горле комок, пробормотала Яна.

– Не знаю, не знаю... Он такой... невыразительный и пресный, что порой хочется дать ему пинка под зад. Если бы я год прожила рядом с таким мужчиной, я бы с горя растолстела. Мне приходилось бы глотать зефир и грызть шоколадки, чтобы хоть как-то скрасить свое существование.

– Погоди-погоди...

– Я помню, что у вас прекрасный секс, и даже завидую этому, – Маша вытянула вперед руку запрещающим жестом. – Но... Янка, ты должна отпустить, наконец, вожжи. Позволь себе эмоции, позволь себе поддаваться желаниям. Если бы ты шла на поводу у своих желаний, ты бы в два счета влюбилась в какого-нибудь стоящего парня!

– И это принесет мне счастье? – с подозрением спросила Яна.

– Наверняка нет, – ответила Маша радостно. – Но ты перестанешь чувствовать себя ущербной.

Возникла секундная пауза, и в этой тишине неожиданно раздался странный цокающий звук. Он шел откуда-то снизу и слева. Яна чуть повернула голову и вздрогнула от неожиданности, потому что увидела пса. Он появился неизвестно откуда и просто шествовал мимо, не обращая никакого внимания ни на хозяйку дома, ни на гостью. Это был довольно тощий пес неизвестной породы с короткой шерстью и острыми ушами. Облезлый хвост, скрученный бубликом, почему-то казался невеселым.

– Машка, кто это?! – воскликнула Яна, прижав руки к гру-

ди и не сводя глаз с дворняжки.

– Бобик, – с непроницаемым видом ответила Маша. – Он, видишь ли, немного странный, слегка того. У него шарики за ролики зашли, не обращай на него внимания.

– Как это – не обращай внимания? Где ты его взяла?! – продолжала изумляться Яна, провожая глазами Бобика, который проследовал на кухню, ни разу не притормозив и даже не обнюхав незнакомого человека.

– Я его нигде не брала, он приехал вместе с хозяином. Погостить.

– С каким хозяином? – У Яны вытянулось лицо.

– Ну... – Подруга явно чувствовала себя неуютно. – С тем, который сидит у тебя за спиной.

Несколько секунд Яна во все глаза смотрела на Машу, после чего резко вскочила, развернулась всем корпусом и... взвизгнула от неожиданности.

Позади нее, за письменным столом, действительно сидел мужчина и неподвижно смотрел на компьютерный монитор.

– О боже мой, боже мой! – зашипела Яна. – Мы тут такое говорили!!

– Ты что, его не видела? – Маша потрясла головой. – Как ты могла войти в комнату и не заметить в ней целого человека?

– Я не вошла, я вползла в комнату! – продолжала шепотом Яна. – По полу были разбросаны деньги, я стала их собирать и так, на четвереньках добрела до дивана, села на него спи-

ной к окну. Но ты-то почему мне ничего не сказала?! Когда я тут лепила про секс, про чувства!!

– Не паникуй, – Маша поймала ее за руку и дернула вниз, заставив снова сесть на место. – Причин для паники нет, он ничего не слышит.

– Seriously? – Яну трясло, как в лихорадке, и она так и норовила вывернуть голову и еще раз посмотреть на незнакомца. Он показался ей очень крупным и каким-то устрашающим. Возможно, из-за того, что не шевелился.

– Абсолютно серьезно.

– Зачем ты приволокла домой глухого мужика со сбрендившей собакой?!

– Это мой сибирский родственник, Павел Ливнев. Я сожгла его дом.

– Что ты сделала?! – не поверила своим ушам Яна.

– Сожгла его дом, – отчетливо повторила подруга. – Дотла. Сгорело все! И дом, и сарай, и баня, и мастерская, и машина... Даже будка Бобика. Сам Бобик тоже чуть не сгорел, я вынесла его из огня и сделала ему искусственное дыхание. С тех пор он ужасно задумчивый. Возможно, он успел увидеть переход в загробный мир.

– И ты мне ничего не рассказала!

– Хотела тебя подготовить, – вздохнула подруга. – Я же знаю, какая ты занудная. Лучше голой бегать по крапиве, чем слушать твои нравоучения.

– Боже мой! – Яна снова повернула голову и посмотрела

на Ливнева. — Надеюсь, он меня действительно не видел и не слышал! Но ты никогда не говорила, что он глухой.

— Он и не глухой вовсе, у него в ушах затычки. Знаешь, такие штуки, которые продаются в аптеках. Он с ними не расстаётся. Понимаешь, родственничек конструирует самолеты, постоянно погружен в расчеты, ему все вокруг мешает.

— И поскольку ты сожгла его дом... — Яна требовательно смотрела на подругу, ожидая, что та продолжит мысль.

— ...Павел немного поживет у меня, — подхватила та. — Пока не отстроят новый. Дом был застрахован, так что банкротство мне не грозит. Но зато придется некоторое время мириться с неудобствами.

— От тебя можно с ума сойти, — пробормотала Яна и тут же сердито добавила: — Если следовать твоей теории, ты со своим умением впутываться в идиотские ситуации должна все время находиться в состоянии влюбленности. Как ты ухитрилась поджечь целое хозяйство?

— Как-как? — отвела глаза подруга. — Курила в постели, знамо дело. Замерзла, устала, выпила. Павел сам виноват — напоил меня самогонкой. Так что я почти что ни при чем.

— Кто бы сомневался. — Яна поднялась и пристально посмотрела на Ливнева.

Особой красотой он не блистал, но профиль у него был мужественным. Судя по тому, как низко он опустил вертящийся стул, ростом этот тип тоже удался на славу. При взгляде на его руки сразу становилось ясно, что он силен, как бык.

Темно-русые волосы стрижены кое-как. От него могло бы веять спокойствием, если бы не немигающий взгляд.

– Ты уверена, что с твоим родственником все в порядке? – снова переходя на шепот, спросила Яна. – У него странное выражение лица. Он с самого утра сидит на стуле?

– Не волнуйся, он принимал душ и завтракал. Но у себя в Вериговке он тоже так костенел. Иногда, правда, его озаряло, и он начинал лупить по клавишам, как дятел. Одним словом, математик. Я этих математиков на своем веку повидала... Я как-нибудь улучу момент и обязательно вас познакомлю.

– Жду не дождусь, – пробормотала Яна и тут же спохватилась: – Ой, скоро Юрка вернется, мне надо бежать.

– Надеюсь, я тебя хоть немножко успокоила, – заявила Маша на прощание.

– О да! Глядя на тебя, сразу понимаешь, что у меня на самом деле все не так уж и плохо.

Вернувшись в свою квартиру, Яна с удивлением обнаружила, что ее тревога улетучилась без следа, а недавние переживания показались несусветной глупостью. Кто вообще знает, что такое любовь? Может быть, щемящая нежность и теплая привязанность, которые она испытывает по отношению к Юрке, и есть настоящая любовь? И она, Яна Макарецца, любит именно так: безо всякого умопомешательства?

В этот вечер, словно по заказу, Федоренков был невероятно милым и ласковым. После нежностей в постели он очень быстро уснул, и вот тут-то началось самое интересное. Яна,

которая не забыла о вчерашней истории и заранее включила диктофон, прежде чем нырнуть под одеяло, на секунду замешкалась. Стоит ли рассчитывать на то, что Юрка вторую ночь подряд станет разговаривать вслух? Впрочем, ладно, пусть диктофон работает, а там видно будет. Она потянулась выключить бра, и в этот момент Федоренков сказал странным заунывным голосом:

– В горной пещере Саглытара в хрустальной чаше хранюсь я.

Яна зажала нос пальцами и затряслась от смеха. Федоренков снова заговорил! Вот только что похрапывал, как обычно, а сейчас – заговорил! Это было так забавно, что у нее даже слезы выступили на глазах.

– Двенадцать дней ты будешь идти ко мне, – продолжал между тем Юрка. – Нелегким будет твой путь, ох, нелегким! Дюжина добрых и дюжина злых духов станут испытывать тебя в пути... Они проверят чистоту твоих помыслов. Готов ли ты увидеть священную реликвию? Только шаманам дано видеть меня, только посвященным покажусь я...

Его голос почему-то изменился до неузнаваемости, сделавшись скрипучим, старческим. Возможно, из-за этого ужасного голоса Яна довольно быстро перестала смеяться и затаилась, сжавшись в комочек на своей стороне кровати.

– Я шелковая лента, я ослеплю тебя красотой, я व्यоусь и льюсь, чтобы ты узнал обо всех людях, которые жили прежде, и о тех, кому еще предстоит родиться... Я укажу те-

бе путь наверх. Только не будь жадным, как Чингисхан, иначе смерть тебе, глупый, глупый... Ты будешь служить мне, глупый, служить мне! Прочти меня, и обретишь великую магическую силу... Магическую силу Свитка времен!

– Юр, – позвала Яна. – Юр, проснись, ну тебя!

– Я знаю, где лежат сокровища, – неожиданно совершенно нормальным голосом сказал Федоренков.

– Какие сокровища? – опешила Яна и потянула подушку за своей спиной, чтобы сесть в постели и облокотиться на нее.

– Я вижу связи между явлениями и предметами, – Юрий снова заговорил заунывно. – Я вижу цепочку событий. Все вы искали не там! Глупые смертные! – И он вдруг засмеялся странным леденящим душу смехом. И Яна поняла, что он все еще спит. Спит и грезит! – Я вижу, словно орел с высоты, я парю над равниной, и древние знаки открываются мне. Я прозреваю истину, я вижу место под землей, которое скрыто от глаз уже много, много веков... Там лежат два камня по двум сторонам ручья... Один камень голый, а второй порос мхом. Если пройти от голого камня на запад три тысячи шагов, встанет гора. Под горой есть засыпанный грот... Будешь идти туда, таись ото всех! И тебе откроются сокровища.

Голос становился все тише и тише, и в конце концов ясная речь перешла в тихое бормотание. Яна положила диктофон между подушками, легла на спину и уставилась в потолок. Бр-р! На самом деле в этом ничего смешного и нет. Сначала

было смешно, а сейчас неприятно. Как будто рядом лежит не свой в доску Юрка, а какой-то выживший из ума старик.

Как и вчера, она подумала, что ни за что не уснет под его бормотание, и все-таки уснула. А когда наутро открыла глаза, Федоренкова рядом уже не было. Будильник показывал, что она безбожно проспала. Яна вскочила как ужаленная и бросилась в ванную, но с полдороги вернулась, отшвырнула подушку и поводила обеими руками по простыне. Диктофон обнаружился довольно быстро. Федоренков его наверняка не заметил. Интересно, почему он ее не разбудил?

Дожевывая на ходу бутерброд и пытаясь вдеть себя в жакет, она позвонила ему на мобильный, чтобы задать этот важный вопрос.

– Почему ты меня не разбудил?

– Яночка, я занят, – недовольным голосом ответил Юрка. – Позвони мне в обеденный перерыв. Или я тебе сам позвоню.

Обещание свое он не сдержал, и сколько Яна ни пыталась с ним связаться, у нее ничего не вышло. Только ближе к вечеру он все-таки соизволил позвонить, но при этом сообщил, что у них в отделе аврал, дали срочное задание, и он задержится допоздна.

– Ты опять разговаривал во сне, – быстро сказала Яна, которая чувствовала свою вину за то, что записывала его ночные кошмары. Хотя он и говорил про доказательства, прямо у него она разрешения не спросила, он может здорово оби-

даться.

Бог не то чтобы совсем не наградил Федоренкова чувством юмора, просто в момент раздачи подарков тот оказался в самом конце шеренги. И если Юрка посчитает, что она поступила неправильно, перевести все в шутку вряд ли удастся. Может, вообще не рассказывать ему о его ночных выступлениях? Но она все-таки не выдержала.

– Слушай, я тебе говорила, что ты во сне что-то бормочешь?

– Говорила, но я тебе не поверил. И ты обещала представить доказательства.

– Я и представляю, – хмыкнула Яна. – Такие доказательства, ты со стула упадешь. На самом деле ты даже не бормочешь, а рассказываешь всякие истории про шаманов, реликвии, древние сокровища...

– Очень интригующе! А место, где закопаны сокровища, я уже выдал? – засмеялся Федоренков.

– Еще нет, но, надеюсь, рано или поздно ты проболтаешься. Впрочем, про какой-то лысый камень и три тысячи шагов на запад я уже слышала!

– Ладно-ладно, не стирай свои записи, я действительно заинтригован. В конце концов, я биолог, это может быть любопытным даже с научной точки зрения. Хотя, – он заразительно рассмеялся, – поверить в то, что я во сне разговариваю... Ну совершенно невозможно! Впрочем, есть у меня одна мыслишка, почему это вдруг случилось.

– Ты что-нибудь принимаешь? – испугалась Яна.

– Не то чтобы принимаю...

– Кажется, я поняла! Это тот самый чай, который ты мне предлагал, вернувшись из своей последней командировки, – высказала свою догадку Яна. – Тот, в жестяной банке! У него отвратительный запах: от него несет болотной жижей.

– Только не выбрасывай его, ладно? – попросил Федоренков. – Похоже, у этой штуки удивительные свойства.

Положив трубку, Яна немедленно отправилась на кухню, отыскивала банку, о которой шла речь, открыла ее и понюхала. Запах действительно был странным. Не таким мерзким, как показалось ей вначале, но точно неприятным. Сама она ни за что бы не стала заваривать столь подозрительную смесь. Яна встрясла из банки на ладонь небольшое количество содержимого и поднесла к свету. Ну, да ей ни за что не разобраться, что это такое! Какие-то сушеные лепестки, ягоды, сосновые иголки, засохшая скорлупа, маленькие, словно слюдяные, кусочки непонятно чего... Перепонки чьих-нибудь лапок?

– Фу, какая гадость! – пробормотала она, стряхнула с руки смесь и постучала ладонью о ладонь.

Может быть, что-то бело-красное – это кусочки мухоморов? И Юрка вовсе не засыпает, а впадает в мухоморный транс?! Как это там называется на самом деле? Галлюциногены? Надо будет узнать, кто дал ему эту штуку и зачем. И почему он согласился ее заваривать и пьет этот подозритель-

ный чай до сих пор? Вряд ли он так уж ему нравится. Или, наоборот, так сильно нравится, что он уже просто не может без него обойтись?

Поставив в высшей степени подозрительный чай обратно на полку, Яна проинспектировала холодильник и решила отправиться в магазин за продуктами. И там, в магазине, с ней произошла странная история. Бродя с тележкой между стеллажами с продуктами, она неожиданно заметила, что за ней ходит незнакомая женщина. Яна – за овощами, и та – за овощами. Яна – к стойке с журналами, и незнакомка тоже. При этом незнакомка находилась на довольно значительном расстоянии и не нарушала, так сказать, ее личное пространство.

Сначала Яна подумала, что преследование ей просто мерещится. Она сделала несколько бестолковых кругов по магазину, но женщина не отставала. Яна успела ее довольно хорошо рассмотреть – среднего роста, миловидная, лет тридцати, с копной темных вьющихся волос. Коралловое платье в обтяжку, чуть закрывающее колени, лодочки примерно такого же цвета, бежевая сумка. Выразительно, элегантно, ярко. Вкус у дамочки, несомненно, имелся. Больше всего Яну заинтересовало выражение ее лица – на нем читались растерянность и неуверенность. Однако, несмотря на это, она продолжала ходить за своей «жертвой» как привязанная.

«Надеюсь, это не жена какого-нибудь недовольного клиента, – подумала Яна. – И она не собирается внезапно на-

пасть на меня?» На всякий случай отдел с кухонными принадлежностями она обошла стороной. А то вдруг черноволосая снимет с крючка нож и воткнет прямо в Яну? Сумасшедшие иногда выглядят представительно и умеют внушить симпатию.

В какой-то момент Яне надоело играть в кошки-мышки, она остановилась, резко повернулась и угрожающе уставилась на свою преследовательницу, которая замерла метрах в пяти позади. И тогда преследовательница сделала странную вещь – она подняла руку и робко помахала Яне. Та оторопела от неожиданности и некоторое время смотрела на нее во все глаза. Потом очнулась и быстро двинулась незнакомке навстречу. Этот ее резкий рывок испугал женщину. Она побледнела, попятилась, развернулась и бросилась бежать. Яна погналась было за ней, не сообразив при этом бросить тележку. Это отняло у нее несколько драгоценных секунд, которые оказались фатальными.

Женщина с черными кудрями исчезла из поля зрения, будто ее и не было. Если она хотела причинить вред, то зачем махала рукой? Если рассчитывала поговорить, почему бросилась бежать? Яна могла бы поклясться, что никогда прежде не встречала ее. Тогда что ей было нужно? Ответа на этот вопрос она так и не нашла.

Федоренков явился поздно ночью. Он был таким уставшим, что у него не осталось сил даже на разговоры. Ужи-

нать не стал, только принял душ и сразу повалился спать. Яне спать совсем не хотелось. Она немного посидела за компьютером, потом выключила свет, подошла к окну и, отодвинув штору, прильнула к стеклу, прижавшись к нему носом. Кончик носа сразу стал ледяным. Лето стояло холодное, и ночи казались злыми и неудобными. Над городом лежало гудронное небо в хрупких прожилках созвездий. Отдельно висели тяжелые крупные звезды, они казались расплывчатыми, словно смотришь на них сквозь слезы.

Проводив взглядом алую пульсирующую точку самолета, Яна опустила глаза... и тут же невольно вздрогнула. Напротив подъезда стояла какая-то женщина и смотрела вверх, прямо на нее! Так, по крайней мере, казалось отсюда, с третьего этажа. Из чаши фонаря лился густой маслянистый свет и обтекал ее стройную фигуру в тесном коконе короткого платья. Яна сразу ее узнала – это была та самая женщина из супермаркета!

Девушка секунду смотрела на незнакомку, потом отскочила от окна, почувствовав, как колотится сердце. Ладони ее стали холодными и влажными. Некоторое время она взволнованно топталась посреди комнаты. В этот момент Федоренков вдруг заворочался в постели, улегся на спину, закрыв локтем глаза, и снова заговорил противным скрипучим голосом:

– Формой он должен быть как яйцо. А обод сделай из кия лиственного дерева, на пне высушенного. Кожу возьми

с трехгодовалого бычка. Колокольцы, костяные и железные побрякушки не забудь. И колотушку – небольшую, слегка изогнутую, обшитую кожей с кобыльих ног...

Яна бросилась к кровати, достала заранее приготовленный диктофон и включила его. Вполуха слушая Юрку, она вернулась к окну и осторожно выглянула во двор. Женщины все еще была там. Яна смотрела на нее, не отрываясь, убеждая себя в том, что с улицы заметить фигуру человека в темной комнате невозможно, и вдруг женщина подняла руку и указала на дверь подъезда, сделав знак, что хочет войти. Она словно спрашивала разрешения. Яна почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Кто это такая?! Уже почти два часа ночи... Что делать?!

Она полетела в коридор и все еще с колотящимся сердцем замерла у входа, ожидая, что зазвонит домофон или внизу хлопнет дверь. Однако все было тихо. Простояв так минуту, Яна на цыпочках пересекла комнату в обратном направлении и вновь прильнула к окну. На улице было пусто. Неужели незнакомка все-таки вошла в подъезд?

Яна простояла у «глазка» почти четверть часа – ничего. Ей потребовалось немало времени, чтобы успокоиться. А что, если это какая-то ошибка? Возможно, незнакомка вообще не ей делала знаки. Почему она вдруг решила, что ей? В магазине произошла ошибка. А сейчас наверху или внизу, в освещенном окне находился человек, который ждал эту женщину и впустил ее в подъезд. Все так и есть. Конечно!

Другого объяснения просто быть не может.

Федоренков закончил вещать, но все еще продолжал что-то бормотать и иногда тихонько вскрикивать. Яна уже перестала так остро реагировать на его ночные выступления, хотя против воли прислушивалась к ним. На этот раз, насколько она поняла, речь шла о какой-то экспедиции, которая искала вход в пещеру.

– Торе-Холь, – бормотал Федоренков. – Торе-Холь, большая вода...

Еще он говорил что-то о шести столбах и о холмах, возле которых можно было лететь по воздуху, об ужасных звуках, доносившихся из-под земли.

– Стоны сотен тысяч грешников, – жарким шепотом сообщил он Яне в ухо, когда та донесла голову до подушки. – Это дорога в ад!

Яна фыркнула и повернулась к нему спиной. Ей даже удалось задремать, и она вот-вот готова была провалиться в сон, как вдруг Федоренков начал тихо поскуливать, а потом из всех сих вцепился руками в ее рубашку. Сквозь всхлипывания он умолял не заставлять его лезть в пещеру. Ему казалось, что с него живьем сдирают кожу, и он лучше умрет, чем сделает еще хоть один шаг! Что ему жутко, жутко! Но там хранятся сокровища, и его тянет туда как магнитом. Его ведут по этому страшному пути высшие силы.

– Эй, эй, а ну-ка, просыпайся! – потребовала она, вывернувшись из его рук и сев на постели.

После чего принялась тормозить несчастного и тормозила до тех пор, пока с того не спал морок.

– А? Что? – спросил Федоренков, приняв вертикальное положение и тараща в темноту.

– Юр, ты во сне не только разговариваешь, ты еще и орешь, – с неудовольствием сообщила Яна и включила ночник. – Тебе видятся какие-то кошмары. Только что ты лез в пещеру, ведущую в ад!

– Фу, ерунда какая-то, – пробормотал тот, утирая холодный пот со лба.

– Ты что-нибудь помнишь? Из того, что тебе снилось?

– Нет, – помотал головой Федоренков. – Мне кажется, мне вообще ничего не снилось.

– Ха. Если бы! Думаю, тебе нужно принять снотворное. Ты просто переутомился на работе.

– Хорошо, дай мне таблетку, – согласился тот, продолжая тупо смотреть перед собой.

Яне пришлось встать и сходить на кухню за таблеткой и за водой. Она тоже проглотила снотворное, поскольку сомневалась в том, что быстро уснет. Диктофон она выключила, пообещав себе, что завтра обязательно даст Юрке послушать то, что он говорит по ночам.

Однако наутро выяснилось, что ее милый снова тихо улизнул.

– Дежавю, – пробормотала Яна. – Кажется, со мной это уже случалось, и неоднократно.

Сама она никогда в жизни не уходила по-английски, ей казалось это неправильным. Если Федоренков еще спал, а ей нужно было бежать по делам, она всегда тормозила его и целовала в сонные пылающие губы. Или оставляла записку на кухонном столе. Всего пара слов для поднятия настроения.словно знак: я рядом, я о тебе помню, я о тебе забочусь... «Возможно, Юрке это совершенно не нужно? – подумала Яна. – Может быть, его это даже напрягает?»

Она представила, как Федоренков с безразличной миной выбрасывает ее записку в мусорное ведро. Или засовывает в карман, чтобы швырнуть в урну возле подъезда. «Возможно, он тоже любит меня умеренной любовью», – подумала Яна, и мысль эта ей не понравилась. Разумеется, ей хотелось бы, чтобы ее любили до умопомрачения. «Фу ты, опять в голове вертится это слово, – подумала Яна раздраженно. – Помрачение ума – не самая привлекательная вещь».

По пятницам Федоренков всегда возвращался очень поздно, а иной раз и вовсе не возвращался: ехал ночевать в собственную квартиру. Теперь он зачастую стал прихватывать и четверги. Яна поначалу пыталась протестовать, звонила ему на работу в разгар каких-то совещаний, где все орали друг на друга, ничего не добилась и в конце концов смирилась. Судя по всему, сегодня Федоренков тоже не вернется.

По дороге домой она заехала в магазин и накупила всяких вкусностей, прихватив бутылку вина. Что бы там ни было, а день рождения они с Машкой обязательно отпразднуют.

Однако подруги дома не оказалось. Яна упорно жала на кнопку звонка, но тщетно. Когда она уже отчаялась, дверь неожиданно распахнулась, и на пороге появился Машкин родственник, которого в прошлый раз Яна видела только в профиль, сидящим на стуле перед компьютером. Павел Ливнев. Как она и думала, он оказался высоким, плечи едва умещались в проеме двери. Сзади к его ногам прижимался Бобик, с выражением глубокой задумчивости глядевший на Яну. Возможно, вспоминал, где он раньше ее видел.

– Э-э... Здравствуйте! А Маша дома? – спросила Яна, удивляясь выражению ливневского лица.

На нем читалось любопытство натуралиста, заметившего в траве уникально окрашенную букашку. Вдобавок ко всему губы его слегка улыбались, улыбка почему-то показалась Яне плотоядной, и она поежилась.

– Вы, если я не ошибаюсь, Павел, – добавила она, не дождавшись его ответа.

– Хотите войти? – спросил тот, игриво поведя бровью.

Игривость шла ему, как брюки-дудочки борцу сумо.

– Зайду, если Маша дома.

– Она отсутствует.

У него был низкий шершавый голос с легкой хрипотцой. И от него пахло табаком. Вернее, табачищем! Наверняка выкуривает по две пачки какой-нибудь гадости в день.

– Отсутствует? Ах, вот как! Подруга, называется...

– Просила передать, что уехала к экстрасенсу и, возмож-

но, задержится. Велела предложить вам войти. И чтобы я составил, так сказать, компанию.

– Так сказать? – сердито переспросила Яна. – И вы, так сказать, составите? О чем же мы будем говорить? О времени сбора клюквы? Или о повадках медведей после зимней спячки?

Она и сама не знала, какого черта набросилась на него. Как будто он был виноват в том, что Машка прокатила ее с днем рождения. Конечно, подруга может вернуться в приемлемое время, но все равно это будет уже не то. Что, если в самом деле войти и распить с Ливневым бутылку вина? Или он пьет только самогонку? Разве вино возьмет такую тушу?

Положа руку на сердце, Ливнев меньше всего напоминал тушу. Он был большой, но жилистый, ни грамма лишнего веса. Странно, если учитывать, что он постоянно сидит за компьютером.

– Ладно, так и быть, зайду. А то у меня тут продукты, вино и все такое...

Павел посторонился, и она вошла в знакомый коридор, продолжая оправдываться сама перед собой:

– Не есть же все это в одиночку.

– Мы с Бобиком с удовольствием к вам присоединимся.

Яна вовсе не рассчитывала кормить полоумного Бобика деликатесами, но тот без спросу пошел за ней на кухню и уселся, выжидательно глядя на пакеты с едой. И так же, как недавно хозяин, пошевелил бровью.

– Хочешь бутербродик с красной рыбкой? – насмешливо спросила Яна, разгружая пакеты.

Бобик облизнулся и как-то не по-собачьи хрюкнул.

– Не такой уж ты и дурак, каким тебя тут выставляли.

Когда вошел Ливнев, места в кухне почти не осталось.

– Лучше сядьте, – посоветовала Яна, испытывая странную неловкость от его присутствия.

Вот поди ж ты, она юрист, и с кем ей только не приходилось общаться! Странно, что она так реагирует на Машкиного родственника. Впрочем, он математик, да еще дикий. Прямо из глубины сибирских руд... Возможно, дело было в том, что он пожирал ее глазами. Как будто она была булкой, которую он собирался съесть.

– Ну, как у вас дела? – спросил он требовательно, как у старой знакомой.

– Терпимо, – хмыкнув, ответила Яна. – А у вас?

– У меня просто бесподобно. Особенно если учесть, что кухня дотла спалила всю мою жизнь.

– Звучит очень романтично, – заметила Яна, вывалив оливки из банки в фарфоровую миску.

– Пьяная она становится совершенной дурой. Если бы я знал, то не стал бы угощать ее горячительными напитками. Впрочем, когда ей хочется выпить, остановить ее может только осиновый кол.

– Расскажите что-нибудь о себе, – потребовала Яна таким тоном, что сразу стало ясно: ей абсолютно все равно, что он

там расскажет.

Ее руки так и мелькали, опустошая пакеты и водружая на стол все новые и новые свертки.

– Я не женат. И это все, что требуется знать женщине, с которой я вступил в диалог.

– Мне наплевать, что вы не женаты.

– Ну да? И почему же это?

– У меня есть человек, – надменно заметила Яна, мгновенно утратив чувство юмора.

– Человек! – повторил Ливнев, поерзав на пластиковом стуле, который держался под ним из последних сил. – Это тот, который в день рождения вас продинамил и не сделал предложение руки и сердца?

Яна ахнула и с ложкой в руке всем корпусом развернулась к Ливневу. Румянец залил ее всю и сразу, будто в нее плеснули алой краской.

– Так вы в прошлый раз все слышали?! Никаких затычек у вас в ушах не было!! А Машку вы обманули!

– Ее ничего не стоит обмануть, – с удовлетворением констатировал Ливнев. – В уши я себе точно ничего не втыкаю, я просто сильно занят. Сказал ей про затычки, чтобы она отстала. А то так и лезет с разговорами. То «хочешь чаю?», то «не мешает ли тебе телевизор?». В прошлый раз, когда вы тут сплетничали, я включился всего на секундочку, понял, что речь идет о глубоко личном, и снова деликатно выключился.

У Яны от досады даже слезы выступили на глазах.

– Я так и знала... Так и знала, что вы все слышали!

– Может быть, ваш хахаль к нам присоединится? – как ни в чем не бывало продолжал Ливнев, потянувшись за оливкой.

Яна тут же хлопнула его ложкой по руке.

– Не присоединится. У него аврал на работе.

– Все так говорят. Когда не хотят возвращаться вовремя.

– Вы ведь его совсем не знаете! – Внутри у Яны все хлопотало. Ей хотелось дать Ливневу по башке, чтобы он прекратил разговаривать этим своим мерзким тоном.

– Мы с Бобиком его однажды видели, когда ходили гулять. Ехали вместе в лифте.

– И что? – спросила Яна вызывающе.

Она предполагала, что Ливнев сейчас скажет какую-нибудь гадость о Федоренкове, но ей почему-то страстно хотелось узнать, какая конкретно это будет гадость. Она бы ни за что себе не призналась, что мнение этого практически незнакомого типа хоть что-то для нее значит.

– Бобику он не понравился, – констатировал Машкин кузен.

– Да уж, Бобик тот еще психолог!

Услышав свое имя, пес наострил уши и облизнулся, предвкушая пир. Его опыт подсказывал, что от такого количества снеди на столе должно остаться много вкусных объедков.

– Ваш хахаль все время смотрел вправо. Люди, которым нечего скрывать, так не делают.

– Вы вывели этот закон, сидя посреди тайги? И что это за словечко такое – хахаль?

– А как вы предпочитаете его называть? – с интересом спросил Ливнев, молниеносным движением схватил кусок колбасы и отправил его в рот.

– Что это был за змеиный бросок? – поинтересовалась Яна. – Не можете две минуты подождать, пока я сервирую стол?

– Ненавижу формальности, – признался Павел. – И откуда мне знать, что вы подразумеваете под сервировкой. Возможно, вы еще полчаса будете скручивать салфетки розочками и промывать бокалы уксусом? А мы с Бобиком тем временем захлебнемся слюной.

– Для математика вы слишком разговорчивый.

– Так как вы называете своего хахалья? – напомнил о своем вопросе Ливнев.

– Гражданским мужем, – Яна постаралась ответить с достоинством.

Но почему-то сейчас фраза прозвучала глупо.

– Для меня это слишком изысканно. У нас живут по-простому: сошлись, поженились, все честь по чести. Он дурак, что не выпросил вашей руки.

– Почему это? – спросила Яна, почувствовав, что от удовольствия у нее зарделись уши.

– Потому что он довольно противный, – мгновенно расправился с ее удовольствием Ливнев. – Другого шанса ему может и не представиться.

У Яны от негодования выпал из рук лоток с сырной нарезкой. В ту же секунду Бобик сделал точно такой же бросок, как недавно его хозяин, схватил добычу и рысистым аллюром ускакал в комнату.

– Бобик, назад! – крикнул Ливнев.

– Оставьте его в покое, – сердито воскликнула Яна. – Никто из нас не будет есть обслюнявленный сыр.

– Вы испортите мне пса.

– Мне кажется, он уже и так слегка испорченный, – ответила Яна и хотела еще что-то добавить, но не успела. Потому что в этот момент хлопнула входная дверь, и квартиру наполнил голос хозяйки:

– Ау! Есть кто-нибудь? – Раздались шаги, а вслед за ними изумленный возглас: – Бобик, боже мой! Ты сошел с ума?!

– Ему так часто задают этот вопрос, что я начинаю за него бояться, – вполголоса сказал Ливнев.

И тут в кухне появилась Маша – разодетая в пух и прах. Создавалось впечатление, что она ходила по меньшей мере в Большой театр.

– Ты променяла мой день рождения на вшивого экстра-сенса, – с места в карьер заявила Яна.

– Он не может быть вшивым, потому что у него голова лысая и гладкая, как кастрюлька, – ответила Маша и плюхну-

лась на свободный стул. – Кроме того, вы еще не приступили, так что я, считай, не опоздала. Надеюсь, вы подружились.

– Не знаю, какой конкретно смысл ты вкладываешь в это слово, но нам совершенно точно было не скучно, – сказал Ливнев. – Кажется, изначально вы собирались праздновать вдвоем? Если дадите мне что-нибудь съесть, я вас оставлю и пойду на свое рабочее место. За компьютером колбаса кажется гораздо вкуснее.

– Иди-иди, – поощрила его недобрая Маша. – Мы напьемся и будем сплетничать. Можешь, как всегда, заткнуть уши. Яна с иронией посмотрела на Ливнева.

– Если вы меня заложите, – шепнул тот перед тем, как удалиться, – кухня погубит мой проект. Вы в курсе, что она разговаривает с утра до ночи? Даже сама с собой!

Когда его дыхание коснулось ее волос и шеи, у Яны в буквальном смысле слова подкосились ноги. Электрический ток прошел по телу, заставив ее дрогнуть.

– О, вы уже секретничаете! – воскликнула Маша. – Почему же до сих пор «выкаете» друг другу?

– Да, кстати, – оживился Ливнев, – давай перейдем на «ты». Скажи мне «ты».

– Ты, – повторила Яна, глядя на него немигающим взглядом.

Она не знала, что с ней происходит, но что-то происходило точно. В ее душе все словно пришло в движение, как бывает весной, когда мартовское тепло подтапливает снег и тот

начинает оседать и сдвигаться с места целыми пластами. Это было странное и неудобное ощущение, однако в нем крылось смутное, почти физическое удовольствие. Яна могла бы поклясться, что в жизни не испытывала ничего подобного.

– Мне нравится, – констатировал Ливнев. – Звучит приятно и даже несколько интимно. Ты!

Он подмигнул Яне, в два счета соорудил себе гигантский бутерброд с колбасой и отправился в комнату.

– Мне кажется, магия помогает, – заявила Маша, выпив бокал вина и нацелив вилку на копченую рыбу. – Совершенно неожиданно появились клиенты. То есть не то чтобы огромный поток, но потек ручеек денег, наполняющих кассу.

– А зачем ты ходила к экстрасенсу? – поинтересовалась Яна. – Раньше ты не верила во всякие такие штуки.

– Не верила, а теперь поверила. Не знаю – как, но все это работает. Нет дыма без огня. Раз о магии и колдовстве столько говорят и пишут – уже много веков! – значит, под этим что-то кроется.

– А я ужасно боюсь колдовства, – призналась Яна, чувствуя, как от вина приятно кружится голова. – До смерти боюсь гадалок, предсказаний и книжек, где описываются всякие заклинания... Мне кажется, если во все это ввязаться без соответствующих знаний, можно здорово себе навредить.

– Я боюсь только одного, – заявила Маша. – Стать нищей и выпрашивать кусок сыра в каком-нибудь магазине, чтобы не помереть с голоду.

– Почему сыра? – расхохоталась Яна.

– Вот ты смеешься, – мрачно ответила Маша. – А у меня до сих пор нет рядом надежного мужского плеча, чтобы на него опереться и не свалиться в финансовую бездну. У тебя имеется хотя бы Федоренков.

– Он не понравился Бобику, – сообщила Яна с непонятным для себя удовольствием.

– Нашла кому верить, Бобику, – проворчала Маша. – Бобик жил в лесу, а сейчас его притащили в город, где опорожнение кишечника происходит строго по часам. Он и так пришибленный, а тут еще смена обстановки. Ему кто угодно не понравится.

– Федоренков опять застрял на своей работе. Начиная чувствовать себя его настоящей женой. Приходит поздно, вымотанный, на меня у него сил уже не остается. Мы даже пообщаться толком не можем. Кстати, я тебе уже поведала о том, что он с некоторых пор разговаривает во сне?

– Не-е-ет, – протянула Маша. – Но мне очень хочется, чтобы ты поведала.

Яна принялась рассказывать подруге о ночных выступлениях Юрки, а та ахала, охала и всплескивала руками. Когда речь зашла о банке странного чая, она неожиданно воодушевилась.

– А давай сбегает за этой банкой, заварим по чуть-чуть и выпьем по чашечке!

– Ни за что, – твердо ответила Яна. – Бабушка учила меня

никогда ничего не проглатывать, не подумав. Это правило сидит во мне, как гвоздь. Так что я сама эту подозрительную гадость пить не стану и тебе не дам.

– Ну и характер! – покачала головой Маша. – Кремень, уважаю.

– Я тебе еще кое-что не рассказала, – спохватилась Яна, хлопнув себя ладонью по лбу. – Хотела с этого начать, но тебя не было, и Ливнев сбил меня с толку.

– Он во всем виноват, – согласилась Маша, широко махнув рукой. – Мужики всегда во всем виноваты. И это хорошо, потому что снимает с нас ответственность.

– Да ты послушай! Со мной такое случилось! Меня напугала одна женщина, – понизив голос, призналась Яна.

– Иди ты. Лично я женщин не боюсь. Я боюсь только темноты и тараканов.

– Я видела ее ночью под фонарем, – не слушая ее, продолжала Яна. – Она стояла и смотрела на мои окна! А перед этим в супермаркете ходила за мной по пятам! Я тоже уставилась на нее, и она помахала мне рукой, будто поздоровалась. Но потом, когда я решила подойти к ней, просто убежала.

– Под фонарем стояла? Ты шутишь? – спросила Маша. – Как в каком-нибудь детективном романе. И чего она хотела?

– Откуда же я знаю!

Яна подробно рассказала о том, что случилось, радуясь живой и бурной реакции подруги. Реакция была правильной, и они это обмыли.

Время давно перевалило за полночь, и подружки уже обступили все на свете, включая Ливнева, который сидел в комнате и теоретически мог кое-что слышать. Однако после какой-то очередной бутылки вина подругам стало на это наплевать. Они говорили очень громко, смеялись и даже пели. Вернее, только начали петь, как Бобик из комнаты сразу же стал им подвывать, и концерт пришлось свернуть, чтобы соседи не колотили по батарее.

* * *

На следующий день Яна проснулась с больной головой и на работу собиралась осторожно, словно девушка, которую учат грациозно двигаться, уместив у нее на макушке толстую книгу. Приседала она, как фрейлина королевы, а если вдруг случайно делала резкое движение, виски пронзала такая боль, что несчастная скрипела зубами.

– Как я буду принимать клиентов? – спросила она у своего отражения в зеркале.

Отражение лихорадочно блесло глазами и выглядело немного помятым.

– Ладно, профессионализм выручит, – пробормотала Яна, сунула сумочку под мышку и шагнула через порог.

Очутившись через некоторое время на улице, сначала сделала глубокий вдох. Она любила свежий ветер, который, казалось, продувает ее насквозь, унося с собой все плохое и

неприятное. Головную боль в том числе. День выдался прохладным, маленькое ядро солнца улетело далеко в небо и швыряло желтые мячики в троллейбусные стекла и окна многоэтажек.

До метро Яна обычно шла пешком, но сегодня возле перехода ей посигналили, и Маша Брянцева, опустив стекло, позвала:

– Янка, садись скорее в машину, здесь стоять нельзя, троллейбус вон подъезжает!

Повинуясь решительному голосу подруги, Яна скользнула на пассажирское сиденье и сразу же пристегнулась ремнем безопасности.

– Во какая выучка, – похвалила Маша. – Примерный пассажир, произошедший от образцового водителя. Кстати, когда тебе машину-то вернут из ремонта? Небось уже соскучилась?

– На работу я все равно езжу на метро.

– Эх, а я вот не могу – в машине можно и по телефону поговорить, и макияж сделать, и позавтракать в пробках!

– Нет уж, спасибо, я лучше лишний час посплю, чем глотать бутерброды на светофорах, – проворчала Яна. – Кстати, ты в курсе, что Дарья вернулась?

– Вернулась? Она мне не звонила!

– Она и мне не звонила, я в новостях прочитала.

Дарья Гром была еще одной составляющей их тесного кружка, втроем они дружили с самого детства. Дарья работа-

ла на телевидении и уже успела прославиться своими жесткими репортажами. Она была умной, бесстрашной и бескомпромиссной. И очень верной. Когда она отправлялась в горячие точки делать свои материалы, подруги волновались за нее до безумия. Потом привыкли, как жены летчиков привыкают к полной опасностей работе мужей.

– Может быть, нам самим ей позвонить? – вслух подумала Маша.

– Дай ей очухаться после поездки. Опять же – нужно смонтировать записи, которые она привезла.

– Черт, а не баба. Будь у меня такой характер, я бы стала президентом. Или хотя бы женой президента! Слушай, а ты не можешь немного опоздать на свою работу? – неожиданно поинтересовалась Маша.

Яна посмотрела на часы.

– У меня в запасе около часа. Я собиралась пройтись пешком и проветриться, поэтому вышла из дому пораньше. А что такое?

– Надо купить платье для коктейля, но в одиночку мне с такой задачей не справиться. Давай зайдем в торговый центр и выберем вместе.

– Разве тебе нужен мой совет?

– Мне нужно твое присутствие. Ты умеешь превратить трату денег в удовольствие. У меня так не выходит. Чем больше я трачу на себя, тем мрачнее становлюсь и тем хуже у меня идут дела. Я начинаю меньше зарабатывать, и тогда уже

вообще не могу ничего покупать без зубовного скрежета.

– Какая сложная логическая цепочка, – ухмыльнулась Яна. – Ладно, если ты угостишь меня чашечкой кофе, я тебе помогу.

– Кофе! – воскликнула Маша, проскочив на желтый свет. – Единственный яд, в который добавляют молоко и сахар по желанию. Если у нас останется время, я закажу тебе еще морковный торт. Только обещай быть объективной, как бы тебе ни хотелось поскорее покончить с примеркой.

Очутившись в торговом центре, подруги довольно быстро справились с покупкой платья, а потом отыскиали кофейню. Яна мгновенно возликовала:

– О, божественный запах! Не знаю, как ты, а я обойдусь без тортика. Хотя я читала, что до двенадцати дня можно есть все, что заблагорассудится. Калории сгорают без следа!

– Вот уж не знаю, – ворчливо ответила Маша. – Во мне они всегда задерживаются, в какое бы время я их ни поглощала.

Кофейня предполагала самообслуживание, и подруги некоторое время топтались возле прилавка, разглядывая выставленные за стеклом десерты. Глаза бармена, стоявшего за стойкой, равнодушно скользнули по Яне и остановились на Маше Брянцевой. Остановились и сразу же замаслились. Бармен был немолодым, тощим, носил неряшливую бородку и старательно маскировал светлую лысину. Он довольно нахально принялся заигрывать с Машей, представившись Ко-

стиком.

– Костик-Костик, серый хвостик, – пробормотала Маша, уводя подругу к самому дальнему столику. – Как только я купила себе духи с запахом белой древесины, ко мне начала цепляться всякая мелочь! Неужели он думает, что такая роскошная женщина, как я, согласится завести романчик с таким хиляком-разрядником, как он? Ведь, попав в мои объятия, он треснет, как яичная скорлупа.

– Он просто флиртует, – успокоила ее Яна, размешивая в чашке сахар. – Вероятно, твоя древесина ударила ему в голову.

Кофейня располагалась в самом центре торгового зала, на небольшом подиуме. Отсюда хорошо просматривались близлежащие торговые павильоны, по которым бродили стайки покупателей. Прямо напротив сверкал стеклами и зеркалами магазин косметики. Яна рассеянно скользила по нему взглядом и неожиданно вздрогнула, не донеся чашку до рта. Немного кофе выплеснулось на блюдце.

– Ты что, обожглась? – с подозрением спросила Маша. – Как можно обжечься молочной пенкой?

Вместо ответа Яна бухнула чашку обратно на блюдце, схватила подругу за запястье и больно сжала.

– Смотри скорее! Вон та женщина! Та самая, которая стояла ночью под фонарем!

– Где? Да скажи ты толком! Вон та, цвета чернил? Ты шутишь?!

На незнакомке сегодня было синее платье, гораздо более консервативное, чем прежнее, коралловое. Впрочем, оно тоже подчеркивало все достоинства ее фигуры.

– Ничего я не шучу, – заверила подругу Яна. – Как ты думаешь, может быть, стоит провести эксперимент и подойти поближе, чтобы она меня заметила? Интересно, как она будет реагировать?

– Просто спроси, чего ей было надо, – вынесла вердикт Маша, следившая за тем, как незнакомка в синем крутит в руках губную помаду. – Кстати, зря она сразу не позвала консультантку. В этих магазинах можно потерять кучу времени даром. Два часа выбираешь подходящий цвет, а потом оказывается, что его нет в наличии. Глупая практика, не находишь?

– Машка, пойдем вместе, я боюсь, – вместо ответа попросила Яна, которая полностью сфокусировалась на женщине в синем и пропустила разглагольствования подруги мимо ушей.

– Чего ты боишься?

– Не знаю. А когда не знаешь, чего боишься, в десять раз страшнее!

– Ладно, уговорила, пойдем. Возьмем ее в «коробочку» и допросим.

Однако их план провалился с треском. Как только решительно настроенные подруги сделали несколько шагов в направлении магазина косметики, незнакомка, словно почув-

ствовав опасность, вскинула голову и увидела Яну. В ту же секунду лицо ее исказилось от страха, она развернулась на сто восемьдесят градусов и бросилась бежать.

– Вот блин! Там же еще одна галерея! – крикнула Маша, переходя на рысцу. – А значит, в магазине есть второй выход!

– Не надо было высовываться, – сердито бросила Яна, сменя за подругой.

– Я же не думала, что все так серьезно!

– Может быть, не очень серьезно, – пропыхтела Яна, – не с пистолетом же она за мной гонялась.

– Откуда ты знаешь? Вдруг она хотела тебя убить, а потом испугалась? Что, если желание вернется?

Пребираясь, они минут пятнадцать носились по торговому центру, бегая по эскалатору со второго этажа на первый и обратно, но незнакомка в синем исчезла без следа. Подруги были ужасно раздосадованы провалом операции. Когда они, бросив бесполезные поиски, плелись мимо знакомой кофейни, из-за стойки до них донесся веселый голос:

– Маша, ку-ку!

Маша Брянцева мгновенно налилась румянцем – и это был румянец ярости.

– Да ладно, не убивай его, – примирительным тоном попросила Яна.

– Сейчас я ему покажу «ку-ку», – процедила Маша, не обращая на нее внимания и резко меняя курс. – Сейчас я ему...

Она не успела довести угрозу до логического конца, потому что бармен, навалившись на стойку хилой грудью, с заговорщическим видом заявил:

– Я видел, за кем вы гонялись. Но она уже давно выскочила на улицу. Зато вон тот мужик ее знает.

Подруги как по команде повернули головы и посмотрели на невысокого толстенького человека, на которого указывал бармен. Тот сидел за столиком в гордом одиночестве и жадно ел. Перед ним стояла тарелка с гигантским куском штруделя и прозрачный чайник, наполненный ярко-желтой субстанцией.

– А в чайнике у него что? Жидкий торт? – поинтересовалась Маша.

– Облепиховый чай, – захихикал бармен.

– А почему вы решили, будто... – начала было Яна.

– Она тоже тут кофе пила. Та штучка, которую вы пытались догнать. А этот тип к ней подходил, за ручку здоровался. Весь лучился удовольствием. Они точно знакомы, нет сомнений.

– Спасибо, Костик, – с чувством сказала Маша, глядя тем не менее не на бармена, а на толстяка, сосредоточившегося на штруделе. – Родина тебя не забудет.

– А телефончик дашь?

– Я подумаю, – пообещала Маша и твердой поступью направилась к тому типу, на которого указал бармен.

Яна последовала за ней. Как только они приблизились на

расстояние вытянутой руки, толстяк впервые поднял на них глаза. А когда подруги по очереди отодвинули стулья и уселись, растерянно заморгал.

– Приятного аппетита, – сказала Яна с натянутой улыбкой.

Она понимала, что мужчину не следует пугать. А вот Маша, кажется, ничего не понимала.

– Кто вы такой? – грозно спросила она. – И почему едите во время рабочего дня?

– У меня сегодня выходной, – растерянно ответил мужчина. В уголке его рта повисла большая крошка. Когда он это почувствовал, то быстро слизнул ее. – А в чем, собственно, дело?

– Мария Брянцева, налоговая служба, – заявила Маша и, раскрыв сумочку, показала ошалевшему Колобку пропуск в Ленинскую библиотеку, снабженный плохого качества фотографией. На фотографии она была серо-зеленая и оттого особо устрашающая.

– Но почему... Но что...

– Ваши имя и фамилия, – потребовала Маша, глядя на толстяка, как на колорадского жука, выжившего после инсектицидной атаки.

– Куропаткин Николай Андреевич, – торопливо ответил тот. – Но я аккуратно плачу налоги, у меня все документы в полном порядке.

– А вы нас и не интересуете, – успокоила его Маша, по-королевски махнув рукой. – Нас интересует та дамочка, с ко-

торой вы недавно здоровались за руку. Здесь, в этом кафе.

– Зоя Борисовна? – удивлению Куропаткина не было предела. – Но она изуми-и-тельная женщина...

– Я не сомневаюсь, – оборвала его Маша. – Как ее фамилия и откуда вы ее знаете?

– Я не уверен, что вы уполномочены задавать подобные вопросы, – гордо вскинул подбородок Куропаткин. Младенчески-голубые глаза его забегали по сторонам, словно он испугался собственной храбрости.

– Ну что ж, вам видней, – повела бровью Маша, не двигнувшись с места.

– Ну ладно! Ладно, – примирительно воскликнул Куропаткин и полез в нагрудный карман. – Зоя Борисовна Раздольская – мой стоматолог. Очень хороший стоматолог, уверяю вас! Вот ее визитка, если изволите.

Он достал визитку с маленькой, но четкой фотографией женщины в синем.

– Изволим, – отрезала Маша и, повертев визитку в руках, сказала: – Мы ее у вас заберем, если не возражаете.

Куропаткин не стал возражать. Вернее, не посмел.

– А это что за номер? Написан на обороте от руки? – продолжала наседавать на него Маша.

– Это ее домашний телефон, – часто дыша, поведала жертва. – Я особый клиент, у меня сложная челюсть, поэтому я могу звонить в любое время дня и ночи!

– Сложная челюсть? – скептически хмыкнула Маша. –

А так сразу и не скажешь. Ладно, спасибо вам, дорогой товарищ, за помощь. Будьте здоровы и не нарушайте налоговый кодекс, это пойдет вам на пользу.

Девушки поднялись, шумно отодвинув стулья. Яна пересела за другой столик, а Маша отправилась благодарить бармена. Уж что она ему там говорила, осталось тайной, однако лицо Костика сделалось удивительно вдохновенным и при этом приобрело стойкий оттенок бургундского.

– Еще по чашечке кофе за счет заведения, – с придыханием сказал он, не сводя глаз с Маши.

Предмет его обожания мило улыбнулся.

– Хотела бы тебя поцеловать, но боюсь смутиться до слез, – сказала она и взяла в руки по чашке.

Бармен проводил ее плотоядным взглядом.

– А теперь, дорогая моя, – повелела Маша, усевшись напротив подруги, – позвоним этой самой Зое.

– Я не стану! – испугалась Яна. – Что я ей скажу?! Позвони лучше ты.

– А что я ей скажу? – удивилась Маша. – Впрочем, придумаю, что сказать. Женщина должна уметь фантазировать, мужчин это интригует.

Она достала телефон, краем глаза наблюдая за бегством Куропаткина, который не допил облепиховый чай и ронял купюры, расплачиваясь по счету. После чего быстро-быстро ретировался, на ходу приседая от волнения.

Сверясь с бумажкой, Маша набрала номер Зои и завела

глаза, готовясь услышать ответ. Яна от волнения так вцепилась в свою чашку, что едва не раздавила ее. Однако Зоя на звонок не ответила.

– Позвоню на домашний, – решила Маша и снова принялась давить на кнопки. – Конечно, она спросит, откуда у меня домашний номер, но я что-нибудь придумаю. Или не спросит...

Тут она замолчала и стала слушать. Брови ее внезапно поползли вверх, а рот приоткрылся от изумления.

– Что? Что она говорит? – прошипела Яна, пораженная выражением Машиного лица.

Наконец та отключилась и посмотрела на мобильник так, будто тот секунду назад самовольно послал ее к черту на кулички.

– Там автоответчик, – странным тоном сказала Маша.

– Почему ты смотришь на меня с таким диким сочувствием? – нахмурилась Яна.

– Позвони сама.

– А почему у тебя такой похоронный тон? – продолжала допрашивать Яна.

Тем не менее взяла телефон в руку и нажала повторный вызов. Сначала из трубки в ухо Яне неслись длинные гудки, после чего раздался щелчок, и веселый женский голос сказал:

– Нас нет дома. Пожалуйста, если вы хотите что-то сообщить, сделайте это после сигнала.

Яна пожала плечами, не понимая, что так подействовало на ее подругу. И в ту же секунду женский голос, записанный на пленку, перебил другой голос, мужской.

– А если вы не хотите оставить сообщение, можете просто сказать «привет», нам будет приятно. перезвоните нам.

У Яны медленно отвисла челюсть. Мужской голос без всяких сомнений принадлежал Федоренкову.

* * *

– Твой Федоренков ведь не каждый день ночует дома? – Дарья Гром испытующе посмотрела на Яну. – Признавайся. Чтобы открыть правду, нам нужна достоверная информация. Враками делу не поможешь.

Каждая клеточка ее тела была начинена атомной энергией, поэтому, несмотря на хрупкость и маленький рост, Дарья казалась необычайно сильной. Ее хотелось слушаться. Кроме того, она была несокрушима в спорах, и Яна уже давно решила понапрасну ей не перечить.

– Да, Янка, нарывы вскрываются только скальпелем, если ковырять гвоздиком, ничего хорошего не получится, – поддакнула Маша, развалившись на диване.

Они сидели в Машиной гостиной, Ливнев в огромных наушниках расположился возле компьютера, погрузившись в расчеты, задумчивый Бобик ходил взад-вперед по комнате, размышляя, вероятно, о вечном.

– Да, иной раз Юрка остается в своей квартире, – подтвердила Яна. – Он поддерживает ее в жилом состоянии. И я не вижу в этом ничего криминального. Там у него множество документов, научные архивы... Я не горю желанием все это рассовывать по своим шкафам.

– Что такое «иной раз»? – требовательно уточнила Дарья. – Раз в неделю, раз в месяц, раз в квартал?

– Какая ты занудная... Ну, практически каждую пятницу. И еще иногда во вторник-среду. Или в четверг! В зависимости от напряженки на работе. Ты же знаешь, что его квартира ближе к институту, чем моя. Если он допоздна задерживается на службе, идет к себе. Ему даже ехать не надо, пешком десять минут.

– Хорошая отмазка, – сердито прокомментировала Маша. – Он наверняка тебе дурит голову. И Зое тоже дурит.

– Я в это не верю, – твердо ответила Яна. – Может быть, Зоя – его двоюродная сестра? Или подруга детства? И он просто ради хохмы записал на автоответчик несколько фраз?! Такое же может быть?

– В жизни может быть все, что угодно, – заявила Дарья. – Верь мне. Вообрази самое невообразимое, и через некоторое время узнаешь, что это невообразимое где-то с кем-то уже произошло. Но! Когда речь идет о мужчинах, шанс удивиться ничтожно мал. Если засранца заподозрили в измене, в девяности девяти случаях из ста он оказывается виновным.

– Ведь первое, что тебе пришло в голову, – это именно

измена, – поддержала подругу Маша. – Тем более чернокудрая Зоя стояла под окнами, а еще гонялась за тобой по магазину. Уж наверняка не для того, чтобы полечить тебе зубы! Думаю, она хотела пойти ва-банк. Судя по всему, бедняжка узнала о твоём существовании и решила выяснить отношения. А потом струсила. Если ты двинулась на нее с грозным видом... Когда ты хмуришь брови, я тоже тебя очень боюсь.

– Иди к черту! Даш, а ты можешь про Зою хоть что-нибудь выяснить? – дрогнувшим голосом спросила Яна.

– Конечно, могу, – ответила Дарья. – И обязательно выясню. Только мне нужно немного времени. Хотя самый простой путь – спросить самого Федоренкова. Припереть его к стене.

– Ей некого припереть, – ответила Маша. – Он снова куда-то делся. Когда Янка рассказывала тебе о Федоренкове и его графике, она забыла упомянуть одну малюсенькую подробность: он частенько исчезает без предупреждения, потому что в их институте практикуются срочные командировки. То есть он может утром уйти на работу и пропасть дня на три, на четыре. А то и на пару недель.

– И не сообщает о себе? – изумилась Дарья, повернувшись к Яне. – А если ты подумаешь, что он попал под машину или утонул в реке?

– Первое время я так и думала, – вздохнула та. – Мы ссорились, мирились, я орала на него, обижалась, но все без толку. Если в его драгоценном институте аврал, он с головой

погружается в проблему. Эти ученые, они все такие!

– Не все, – язвительно сказала Маша и закинула ногу на ногу. – Многие ученые абсолютно нормальные люди.

– Я бы на твоём месте помолчала бы, – с иронией заметила Дарья и глазами указала на Ливнева, который занес руки над клавиатурой компьютера и застыл, словно скованный льдом.

– Он просто думает, – заступилась за своего родственника Маша. – Мыслительный процесс – штука сложная. Это вам не вареники лепить.

– Девочки, а вы совершенно уверены, что он не подслушивает? – с подозрением спросила Дарья. Стриженная под мальчика, она подчеркивала свою женственность тем, что носила кофточки в обтяжку и красила губы алой помадой.

– Я не уверена, – ухмыльнувшись, ответила Яна.

– Вот и я не уверена.

– Конечно, Павел не подслушивает! – возмутилась Маша. – Он взрослый человек, он строит самолеты. Бабское тархтенье для него все равно что чириканье воробьев за окном. Да и куда нам деваться? На кухне мы втроем не поместимся. Еще и Бобик припрется, вздохнуть будет нельзя.

– Можно пойти ко мне, но тогда Павел наверняка обидится, – сказала Яна. – Подумает, что его общество нам неприятно.

– Если он нас не видит и не слышит, вряд ли он вообще о нас подумает, – пожала плечами Дарья.

– Да ладно, о чем таком мы собираемся говорить? – вос-

кликнула Маша. — А я жду важный звонок на домашний телефон, я же объяснила! Так что потерпите. Лично я уже привыкла не обращать на Павла никакого внимания.

О себе Яна такого сказать не могла. Она очень даже обращала на Павла внимание. Несмотря на то что он сидел, как заколдованный, в его присутствии все казалось другим. Мир казался другим. В этом мире жить было гораздо интереснее. Даже чай был вкуснее, чем на кухне, это она уже давно заметила. Ей было даже капельку страшно, потому что в ее собственном Ледовитом океане неожиданно обнаружилось теплое течение. С каждым днем оно набирало силу, и Яна стала бегать к Машке по поводу и без повода, только чтобы почувствовать, как горячие потоки омывают ее сердце. И пусть Ливнев редко замечал ее, но это ничего не меняло, совсем ничего. Он был тут, дышал, жил, составлял какие-то уравнения, и от одного этого у Яны становилось хорошо на душе.

— О, я придумала! — воскликнула Дарья. — Давайте включим телевизор и сделаем звук погромче. Тогда Павел точно ничего не услышит. Как хотите, а его молчаливое присутствие меня нервирует.

— Ни о чем не может думать, лишь о своем телевидении, — проворчала Маша, взяла телевизионный пульт и нажала на кнопку включения.

Как только засветился экран, из динамиков до них донеслись слова, заставившие трех подруг изумленно посмотреть друг на друга.

– ...Институт исследований биоресурсов и экосистем России, – говорил корреспондент.

Он стоял перед зданием института, держа в одной руке микрофон, а другой увлеченно жестикулируя.

– Макс Павленков, – констатировала Дарья, зная всех телевизионщиков в лицо. – С конкурирующего канала. Интересно, что они там нарыли?

– Так давай послушаем, не мешай! – цыкнула Маша.

И они все уставились на экран. Макс Павленков говорил бойко, и было ясно, что он не просто ведет рассказ о событиях, он с головой погружен в тему.

– Еще весной структуры крупного предпринимателя Леонида Порожина без объявления войны совершили рейдерский захват прекрасно расположенной и потому весьма привлекательной недвижимости. Обескураженный директор бросился за помощью в полицию, в родное министерство, в префектуру. – Камера наехала на растерянного и бледного мужчину, являвшегося, судя по всему, пресловутым директором. – Вот тогда и выяснилось, что несколько лет назад прежнее руководство института в сговоре с одним крупным чиновником министерства по-деловому и быстро, используя весьма хитрые схемы, присвоили себе огромное здание.

Однако в прошлом году чиновника этого нашли убитым на собственной даче, его поделщик вскоре переехал на постоянное место жительства в Америку. И вот теперь респектабельный бизнесмен Порожин, известный как Леня Запо-

рожец, предъявил свои права на здание института.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.